

- 1. Королевство Гилеад
- 2. Королевство Виррик
- 3. Королевство Сотавенто
- 4. Республика Морсхилл
- 5. Просвещенный Принципат
- 6. Княжество Вестин
- "Три Сестры":
- 7. Серениссима
- 8. Инфина
- 9. Гаудиа
- 10. Тинианские о-ва
- Бывшие государства:
- 11. Зендская лига (в т. ч. гер. Зоден, гр. Ависса)
- 12. Верхневальдская уния (в т. ч. гр. Керси, Даларн)
- 13. Королевство Оренсе
- 14. Герцогство Фрегеви

ЗРДЕН

Эрден. Общая справка. География. Религия.

Эрден – планета земного типа, сопоставимых с ней размеров, с несколько большей площадью мирового океана и на несколько градусов более мягким климатом.

Приведенное название, наиболее принятое сейчас в доступной вам научной литературе, скорее всего, протогилеадского происхождения, и употребляется по большей части учеными либо жителями Приципата. Для остальных, впрочем, понятие «мир» как ойкумена также является, по историческим причинам, вполне понятным.

Суша Эрдена по площади примерно на четверть меньше, чем у нас, и состоит из четырех больших континентов, из которых вам доступны только два в Западном полушарии: Оssidан на севере и Аустер на юге. Эти континенты отстоят друг от друга достаточно далеко, но навигация между ними уже почти привычна. Помимо этого, есть и ряд крупных островов, из которых вы увидите Тинианский архипелаг – три больших острова площадью примерно с Кубу и Эспаньолу вместе взятые.

Эрден заселен исключительно людьми различных рас, в вашем полушарии вы встретите две из них. Если население Оssidана на девяносто процентов белое, то коренное (а сейчас и решительно преобладающее) население Аустера мы бы скорее отнесли к австралоидной расе, чем к индейцам.

Оssidан – базовый для нас континент, в обозримой части мира наиболее густонаселенный и наиболее продвинутый технически. По размерам и природным условиям он более всего похож на Северную Америку, несколько сдвинутую на юг.

Общеизвестно, что текущее население государств Оssidана тут сами не местные: континент был колонизирован весьма и весьма давно в ходе массового переселения европеоидного типа людей через океан с востока. Традиционное летоисчисление так и ведется: сейчас на дворе 573 год от Кораблей, хотя, конечно, дата эта не вполне верна исторически.

Известно и соответствует истине, что первая высадка людей в Оssidане произошла на восточном побережье нынешнего Виррика. Также совершенно правильно считается, что континент заселялся волнами разных национальностей и языков. Первыми были те, кто, уйдя дальше на запад, стал гилеадцами, после этого морским путем заселили юг предки нынешних граждан Сотавенто, а существенно позже, вытеснив с Востока более ранних поселенцев, пришли предки вирриканцев.

Соответствует истине также и то, что основной причиной полного исчезновения коренного населения Оssidана (по легендам, весьма отличающегося от населения Аустера) являлись все-таки эпидемии – работорговли с их участием тогда не велось, а целенаправленный геноцид проводить оказалось просто незачем. Предметов материальной культуры от них осталось мало – то были все же в основном кочевники – но ближе к югу руины с подземельями, бывает, и попадаются.

Однако также в традиционной истории принято неверно считать, что поселенцы появлялись сразу большими волнами, по мере вытеснения народов дальнего, так называемого Древнего Востока неким неизвестным катаклизмом. На самом же деле речь идет о планомерной

колонизации материка государствами Древнего Востока, связь с метрополиями которого позже по некоторым причинам начисто прервалась, что привело к некоторому социальному и технологическому провалу.

Не так давно, менее века назад, с другой стороны, некоторые государства (в основном Сотавенто, во вторую очередь Сестры, обдумывает возможность Виррик) начали колонизацию Аустера. Однако на данный момент серьезного влияния на жизнь метрополии колонии в принципе не оказывают – Великая Война сильно затормозила обустройство.

Именно **Великая Война**, длящаяся уже двадцать один год, огромный коалиционный конфликт, более всего похожий на нашу Тридцатилетнюю войну, и определяет историю каждого государства Оssidана на данный момент. О ней, впрочем, я расскажу или в процессе обозрения государств, или сразу после него главой об Истории.

Уровень развития государств Оssidана в принципе равномерен, но нам показался бы странным. К концу VI в. от Кораблей мы видим, что во всех государствах, пусть и в разной степени, уже повсюду происходит промышленная революция: паровой двигатель уже известен и широко применяется, переход от мануфактур к фабрикам только-только начинается, грамотность населения резко повышена. Однако пороховой революции так и не произошло, а по некоторым причинам в ближайшее время не произойдет. Военная же революция... в целом произошла, но далеко не везде – развитие армии в государствах Оssidана пошло по драматически разным путям.

Основным языком как науки, так и межнационального общения все еще является гилеадский (примерный английский), он является родным, помимо подданных Королевства Гилеад, для жителей Морсхилла и большей части Верхневальдского региона. На Юге и Востоке он общепонятен в городах, но вот в сельской местности могут возникнуть проблемы. Общий сотавентский (примерный галисийский, то бишь испанский с уймой португальского) также понимают по всему югу – и в Сотавенто, и в Сестрах, и в Оренсе, и на Тинианах, и в колониях. Применимость виррика (языка, примерный шведский) почти что ограничивается границами Виррика (королевства). Четвертый крупный язык, зендский (примерный южнонемецкий), помимо центральных частей бывшей Зендской Унии, не понимают вообще нигде.

Магия в Оssidане работает. Однако тут есть специфика: собственно академическая магия развита как следует всего в одном государстве в мире (это, как вы понимаете, Просвещенный Принципат), но как, о, как она там развита! Остальной мир предпочитает рассматривать магов скорее как мастеровых, чем как артиллерию (тому есть некоторые исторические причины, но это чуть ниже), и если зачарование имеет неплохие традиции, то в боевом отношении маги Оssidана не сказать чтобы сильно профессиональны. Возможно, в качестве причины этого следует назвать отсутствие академического магического образования как идеи везде, кроме Принципата. Передача магических знаний – строго от мастера к ученику, хотя маги-зачарователи местами все-таки перешли к цеховой организации. С другой стороны, Аустер привнес определенные шаманские знания, да и у немногочисленных друидов есть свои наработки.

Еще недавно потребность народа в магических услугах полностью покрывало массовое и активное жречество того или иного из трех основных культов. Однако на десятом году

Великой Войны произошло нечто, что в Просвещенном Принципате называют **Конъюнкцией**, а во всем остальном мире – **Катаклизмом**. Святая магия одномоментно перестала работать в принципе. Вообще. Любая. Разумеется, это вызвало множественные проблемы: массовые бунты, самосуд над жрецами, коллапс военной медицины, но главное – Великую эпидемию холеры, оно же **Фронтвой мор**, жертвы которого исчислялись уже шестизначной цифрой. Как ни странно, свирепствовавшую год эпидемию все-таки смогли унять оставшиеся жрецы, потерявшие силу, но сохранившие организацию. Карантины, поддерживающее лечение, сохранившиеся чисто анатомические и химические знания не только помогли справиться с мором, но и теперь фундируют положение жречества.

Религия на Оssidене представлена тремя основными культами плюс различными мелкими группами пантеистического (друиды) либо анимистического (шаманы) направления. Ни один из культов ранее не нес строго национальной окраски, однако за годы войны акценты отчасти сместились.

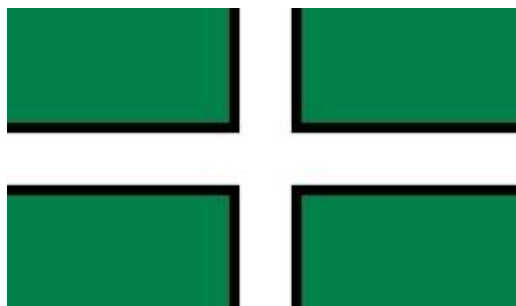
Богиня – божество, почитаемое этническими гилеадцами, изображается как высокая женщина в свободных одеждах и ведает, прежде всего, исцелением, во вторую очередь домашним очагом. Ее жречество и ранее, и теперь являлось наиболее компетентными медиками, однако, кроме этого, несет и определенную социальную философию солидарности, взаимопомощи, соборности и прочего. Культ Богини тесно сотрудничает с Королевством Гилеад и до Катаклизма имел там немалую политическую власть, в частности, независимо администрируя так называемый Град Богини на его территории и накопив более чем значительные богатства. Однако имущество культа ныне почти вчистую убито на реформу медицины, Град Богини сожжен бунтующим народом, а жрецы стали куда как ближе к земле.

Мастер – бог, почитаемый в Виррике. Мастер олицетворяет собой одновременно бога-творца и некий общественный идеал, у нас с вами больше всего ассоциирующийся с протестантской этикой: труд, как одновременно цель и заслуженное благо, собственность как результат священного труда и предприимчивость как дар стремиться к священному труду. Жрецы Мастера никогда не уходят из мира, продолжая жить своей профессией, но наставляя в вере своих соседей и коллег; им, с одной стороны, в принципе чужда аскетика, они могут и даже обязаны пользоваться заработанным к своему благу, но с другой – со службы Мастеру выгоды не получают. Высокая включенность в общество позволила им пережить Катаклизм в не слишком измененном виде.

Супруги Белый и Черная – божества Сотавенто. Важно понимать, что, несмотря на то, что Сотавенто как таковое образовалось из двух государств не так давно (об этом позже), наличие двух божеств итогом этого объединения не является – и в Касавьехе, и в Сантарене Супругов почитали и до того. Напротив, Супруги мыслятся как изначально единые, дополняющие и ограничивающие друг друга творцы и опекуны мира, при том, что Белый – это начало творящее, а Черная – и ограничивающее, и защищающее. У Белого, соответственно, бывают только жрецы, а у Черной – только жрицы. Однако и те, и другие занимают в обществе скорее слабую позицию: считается, что граждане молиться могут и сами, Супруги разберутся, а те, кто уходит в жрецы, просит помощи более деятельно в более отчаянной ситуации, как бы

уходя из мира под защиту и опеку Супругов. Сейчас речь об аскетике особенно не идет, но обители, где обитает жречество, от мира все еще весьма закрыты.

На самом деле исторически все три культа являются единой религией еще колониционного периода, в общественном сознании переформировавшейся после утраты связей с Древним Востоком. Исторически более значимым объектом культа была богиня, а супруг при ней был фигурой важной, но второстепенной: как Христос при Боге-Отце. Заметный, сильный, важный, но молятся не Мастеру, а Богине. Потом, однако, многое изменилось в процессе национального строительства, и идеи об единстве считаются скорее еретическими.

Королевство Гилеад

Форма правления: Монархия, в принципе ограниченная Сенатом, но по военному времени абсолютная.

Кратко о географии: Гилеад занимает северо-запад Оssidана, будучи с севера и с запада ограничен Полночным океаном. С юга он граничит с Просвященным Принципатом, и границу эту не менял в истории никогда, а также с Сотавенто и с Зендской унией. Вот только вместо границы с Сотавенто и всей Зендской унией там сейчас Западный Фронт. На западе Гилеад еще лет тридцать назад граничил с Вирриком и Верхневальдской Унией, однако с тех пор, опять же, много воды утекло, и он граничит с Вирриком, Морсхиллом и княжеством Вестин.

Королевство Гилеад остается крупнейшим государством на континенте и занимает второе место по численности населения.

Кратко об истории: Название королевства произошло от некогда имевшего религиозную окраску топонима Древнего Востока, но сейчас это в принципе никому не известно.

Гилеад – самое старое государство в мире, сложившееся в своих плюс-минус нынешних границах еще во II веке от Кораблей и некоторое довольно продолжительное время служившее локомотивом общественного прогресса. В III веке от Кораблей Гилеад остановил экспансию того, что после этого события стало королевством Виррик, и с тех пор его западная граница почти что не менялась.

В свои лучшие времена Гилеад имел на континенте статус неоспоримого гегемона, в частности, своевластно перекраивая политическую карту мира. Именно с легкой руки

королей Гилеада их многочисленные гилеадо- и зендоязычные окраинные вассалы создали в конце IV – начале V века от Кораблей две еще недавно живые буферные конфедерации, тем самым несколько обезопасив гилеадские рубежи.

В дальнейшем Гилеад пережил век расцвета искусств и образования, более или менее определяя технологическое лицо континента. Сказался сытный век и на населении – окончательно отменено (выкупным способом) крепостное право. Окончательно совершается переход на крупнотоварное сельское хозяйство, что имело два важных и актуальных по сей день следствия: решительный рост продовольственного экспорта и великолепное, лучшее в мире коневодство.

Проблема в том, что в социальных отношениях наметился отчетливый застой. Переход крестьян с крепости на аренду не ослабил лордов, но дал им в руки живые деньги, и аристократический Сенат откровенно обнаглел. В общем-то, гилеадское дворянство весьма добросовестно и приучено классическим образованием воровать меньше, чем пошло б в ущерб делу, но оно до сих пор сугубо консервативно. Застряв на своем месе житницы континента, Гилеад несколько опоздал и с промышленным переворотом, и – особенно – с военной реформой.

Слабела и политическая воля Гилеада, обе конфедерации, и Зенда, и Верхнее Вальде, начали понемногу разваливаться изнутри, частично подпадая под влияние иных соседей. Собственно, Великая Война и началась как конфликт в Зендской лиге между все еще прогилеадским Зоденом и уже просотагентской Ависсой, но об этом потом отдельно.

То была попытка старого Гилеада воспрепятствовать усилению расправившего плечи Сотавенто, властно потянувшегося как через море, так и через границы. Но король Эдвин III, одаренный бухгалтер и администратор, но никакой стратег, не понял, насколько в таком случае усилится Виррик.

Впереди было двадцать лет войны, огонь над Градом Богини и Фронтальной Мор, пожравший самого короля с королевой.

Политика Гилеада сегодня: Итак, на данный момент Гилеад является монархией, переживающей не самые лучшие времена.

Сенат Гилеада, тридцать лордов из традиционно сенатских семей – некоторые уже порядком обеднели – настроен очень и очень по-разному, пребывая то в неуместном энтузиазме, то в непрекращающемся «кто в лес, кто по дрова». Южные лорды осторожно намекают, что в войну они уже наигрались, восточные, подталкиваемые вирриканским двором, стоят за войну до победного конца, прибрежные из всех сил торгуют голосами. По счастью, благодаря войне их голос сейчас не слишком много весит. Действительно держат страну в руках двое очень разных мужчин.

Коронный маршал Кенвалл, лорд Ламли, успешно командовал войсками гилеадского сектора Восточного фронта еще при Эдвине, по его смерти много сделал для борьбы с Мором и был продвинут сенатом не только на текущий пост гилеадского главнокомандующего, но также и в регенты при глубоко несовершеннолетнем наследнике. Лорд Ламли уже перешагнул за полвека и большую часть этого времени провоевал, так что все свое девятилетнее регентство

он по большей части также решал военные вопросы. Ему удалось стабилизировать фронты и отвязаться наконец от опоры на вирриканские войска, хотя оккупированный гилеадский крайний юг отбить и не удалось. Он также является инициатором неторопливой, вязнущей в сенате но продолжающейся военной реформы, завершающей централизацию армии. Сенат его за это бы живьем сожрал, но... тут его кое-кто поддерживает.

Вопреки историческому опыту, коронованный в прошлом году **король Гилеада Эдрик I** ничего против своего бывшего регента и воспитателя не имеет. Эдрик – веселый парень двадцати одного года от роду, одновременно являющийся, пожалуй, лучшим кавалерийским генералом Гилеада; и он продолжает учиться на практике, в данный момент лично – и небезуспешно – командуя Южным фронтом. В столице, Бетлеме, король бывает наездами. Политическую свою позицию он на публике не высказывает, свалив такого рода дела, опять же, на Ламли. По общему мнению, он еще растет.

С этим общим мнением решительно не согласна **Катарина Оксенштадтская, королева Гилеада**. Изначально, когда ее после долгих переговоров с Вирриком втюхали-таки Эдрику в порядке союзнического долга, ни Сенат, ни сам король от нее ничего хорошего с политической точки зрения не ждали – шутка ли, племянница государя Олафа III, родная сестра престолонаследника. Действительность на данный момент куда смешнее: девочка – а ей всего только шестнадцать – общеизвестно (и действительно) по уши влюблена в своего короля. Указаний от дядюшки Олафа она уже просто не поймет. Сам Эдрик, если верить слухам, относится к ней очень тепло, но свою Южную армию любит еще более трепетно. Учитывая его стиль командования, болеющие душою за страну придворные медики уже совершенно достали Катарину советами.

Что же касается прочих **«сильных людей»** Гилеада, то мы можем выделить неофициального лидера партии мира в Сенате Осберта лорда Вектиса, шибко пожилого корабельщика и отца многочисленного прибрежного семейства; почтенного Вигстана, настоятеля столичного Храма Богини, известного медика-теоретика и администратора; и Сэмлора Хилта, старшину гилеадской Купеческой гильдии, человека и работодателя.

Помимо актуальной Великой Войны необходимо упомянуть о трениях Гилеада с Вирриком по двум вопросам. Вопрос Морсхилла мы рассмотрим в соответствующей главе. По бывшей Верхневальдской Унии же имеются следующие расхождения: Гилеад желал бы видеть ее воссозданной, и герцог Пангур Даларнский до сих пор ошивается в Бетлеме, Виррик же настаивает на разделе оккупированной территории Унии «как есть».

Культура Гилеада: Собственно, Гилеад олицетворяет собой фразу «наше светлое средневековье». Архитектура его напомнила бы нам нашу готику там, где дело доходит до торжественного, или шекспировские кривые городки там, где денег меньше. Изобразительное искусство все еще скорее символическое, чем реалистическое, однако, в отличие от средневековья нашего, еще более открыто витально и солнечно – Богиня, знаете ли, за здоровье. Театр еще очень тяготеет к мистериям, световым и дымным эффектам, а на селе и вовсе к балаганной традиции. С принятой в Гилеаде музыкой желающие могут ознакомиться, порывшись в английской фолк-сцене семидесятых годов.

Мораль абсолютного большинства гилеадцев может быть описана как классическая. Это включает в себя величайшее почтение к прошлому, стремление более или менее продолжать дело собственного семейства, крайне развитый локальный патриотизм, тягу к большим и часто совместно живущим семьям. Все это справедливо даже – особенно – для дворянства. Гендерные роли в избытке иллюстрируются королевской семьей: мужчина на фронте, женщина дома, и нечего тут.

Некоторые города Гилеада:

Бетлем – столица, один из самых старых на Оssidане городов, перестраивался и горел неисчислимо много раз. Три кольца стен делят город на районы разной зажиточности, предместья же тянутся вокруг последнего из них чуть не на такую же площадь. От Храма до Медного Дворца, королевской резиденции, простирается Народная Площадь, мощенная древним белым камнем, место, на котором бывает хоть раз в жизни каждый, кто путешествует. Чуть в стороне от города еще одним кольцом стен встает Бетлемский университет – крупнейший, древнейший и с самой невыразимо прекрасной библиотекой, пережившей все войны и бунты.

Вектис – город на одноименном острове на западном побережье, дом крупнейших верфей королевства и дом Гилеадского Адмиралтейства. Крупнейший в стране импортный рынок и богатейшие банки находятся именно там, не в столице. В общем-то, даже не смотря на дальние дистанции и войну, Вектис остается торговыми воротами Гилеада.

Град Богини – когда-то совершенно автономный от официального Бетлема храмовый комплекс был богат и прекрасен, привлекая как паломников из всех мест, где живут гилеадцы, так и просто любителей понежить глаз монументами. Однако девять лет назад он был почти полностью разрушен и выжжен бунтующими против жрецов и против Мора (не спрашивайте у больных людей о логике, не надо) крестьянами. Официально сейчас в этих развалинах не живет вообще никто. Возможно, под мрамором обрушившихся храмов много чего осталось, но что-то никто не хочет проверить.

Армия Гилеада все еще феодальна по своей организации. Каждый полк, пикинеров ли, кавалерии, все еще пополняется и снабжается кем-либо из лордов Сената, согласно им же осуществляются назначения на офицерские должности. Лорд Ламли сломал об трибуну далеко не одни ножны, но удалось добиться только стандартизации вооружения – хотя теперь сбрасываться на дотягивание до стандарта обедневших Лордов приходится казне.

Гилеад обладает очень средней пехотой, вербуемой в основном в приграничье, и нравственно прекрасной конницей – тут уже додумались до концепции уланских и драгунских полков. Король Эдрик в последнее время серьезно чешет затылок на тему воевать именно конной армией хотя бы на одном направлении, но действительность не оставляет ему особенно много времени на такие грезы.

Проблема еще и в том, что – пока что только в Южной армии – офицеры Ламли и офицеры Эдрика начали по мелочам конфликтовать друг с другом. Это, по сути, конфликт между старой, опытной, но немного обленившейся и умеющей коррупцию армейской верхушкой и командой злых молодых (для своих постов) офицеров, нарушающих все неписанные правила

армейской корпорации. Иногда это идет на пользу делу, но нередко приводит и к весьма неприятным последствиям.

Королевство Виррик

Форма правления: абсолютная монархия.

Кратко о географии: Виррик занимает восток Оssidана, омывается Древним океаном на севере и востоке и теплым Бронзовым морем на юге. На западе он стойко граничит с Гилеадом и, как бы они этого не отрицали, с Морсхиллом. Помимо этого, ранее они успешно граничили с Верхневальдской Унией, в том числе и непосредственно с ее ядром – Даларнским герцогством, и со старым королевством Оренсе. Ныне ни того, ни другого мы не находим.

Виррик является вторым по площади государством континента, несколько опережая Сотавенто без колоний. Однако почти половина его территории, в отличие от сурового, но обитаемого равнинного гилеадского севера, для земледелия практически непригодна – старые плоские горы. Соответственно, и населен Виррик гораздо меньше.

Кратко об истории: вирриканы явились на континент гораздо позже прочих. Согласно господствующей точке зрения, это произошло в середине I века от Кораблей, одновременно или чуть позже изоляции, и их выгнал в океан сам пережитый катаклизм. На деле они – результат последнего передела сфер влияния на Древнем Востоке, и старогилеадские поселения они вымели еще до изоляции.

В самых старых гилеадских летописях вирриканы предстают варварами, выходящими из-за лимеса отдельными кланами с целью по большей части пограбить. Однако они довольно быстро сумели воссоздать общее государство и в III веке от Кораблей изрядно продвинулись в Восточный Гилеад, прежде чем были остановлены в легендарной битве у холмов Тимро.

Гилеадская историческая наука преподносит это как великий провал экспансии, однако на деле слово было сказано – феодальный союз восточников устоял и после поражения, став королевством Виррик, а отнятые у старого Гилеада земли увеличили пахотный фонд новой страны сразу почти наполовину. Об экспорте речь, конечно, не шла и никогда не пойдет, но жить стало можно. Чуть позже выяснилось, что проклятые северные горы полуострова Нерке,

где, кроме мха, не растет вообще ничего, скрывают внутри себя всю неизвестную тут таблицу Менделеева. Но прежде всего – уголь.

Виррик устемился внутрь себя – не переродившись за век, но неуклонно меняясь каждый год. Пока бетлемские университетские философы спорили о природе Богини и долге короля перед страной, философы поднявшегося на Первом Берегу Оксенштадта вместо этого изобретали различные интересные вещи, понемногу становясь инженерами. «Природа – не храм, а мастерская!» – сказали они, приведя в эту мастерскую и Мастера. Свободный вирриканский крестьянин, рубящий уголек и выносящий на горбу железную руду, вирриканский горожанин, раздувающий мехи кузницы, и вирриканский дворянин, пробуя подушечкой пальца великолепную шпагу, усвоили одну и ту же очень своеобразную этику – хотя о ней ниже.

В пятом веке Виррик выиграл тяжелую, долгую войну у все еще великого Гилеада, отобрав Морсхилл с его табунами и поставив свой флаг над теми самыми холмами Тимро, на которые не смогли подняться предки его королей.

Раньше всего цеха сменились здесь фабриками. Раньше всего над шахтами поднялись выдыхающие пар трубы. Раньше всего в каждом окне появилось стекло, в каждом городском доме – книга, а в каждой больнице – чистый бинт.

В 552 году от Кораблей последовали долгие переговоры с обезумевшим от страха перед единым теперь Югом Гилеадом – традиционным некогда врагом. Основательно поразмыслив, Виррик сделал последний шаг – вверх, вверх, вверх.

Политика Виррика сегодня: На данный момент Виррик является наиболее активным участником Великой Войны.

Почти что вся политика Виррика определяется исключительно **королем Виррика** Олафом III Железным, каковому в прошлом году исполнилось пятьдесят восемь. Внешне он не сказать чтоб впечатлял – невысокий, полный, рыжий, питающий склонность к ярким цветам и неистребимо вальяжный. Однако на деле Олаф благословлен сильной, зашкаливающе сильной волей и некоторыми весьма специфическими талантами: для меньшинства он – одаренный математик, для большинства – лучший полководец мира.

Еще в юности Олаф прошел неплохую армейскую школу сперва в Войне за Керси, феодальном конфликте в Унии; затем, уже как командующий экспедиционным корпусом, в Сантаренском мятеже в Сотавенто. К Великой Войне он подошел в лучшей своей форме, закончив военную реформу (о ней ниже) и много сделав для координации с Гилеадом вопреки своему же командному составу.

Лично командовал войсками он на важнейшем южном направлении, и как блестящий разгром Оренсе, так и Фрегезская оборонительная кампания – целиком и полностью его заслуга. Однако, как показали события Даларнского Марша и десанта на полуостров Маньито, его армия адекватна и без своего короля.

На данный момент Олаф III преследует **только одну цель** – закончить Великую Войну как минимум не хуже, чем есть сейчас. Идея в том, чтобы удержать как можно больше земли

ниже линии рискованного земледелия любой ценой, тем самым отвязавшись от импорта продовольствия и создав условия для увеличения населения. В первую очередь этого нужно достичь аннексией и умиротворением Оренсе, во вторую – как следует разменяв Унию с Гилеадом.

Кроме этого, Олафа волнует то, что у него туго с преемниками. Фронтной Мор забрал его жену и двух сыновей на Южном фронте, третий погиб при штурме Даларена. Его младшая сестра, Маргарита, графиня Нерке, жива и замужем за Людвигом Нерке, его же канцлером. Вот только ее сын, **эрцгерцог Густав**, будучи в свои двадцать четыре великолепным художником-маринистом, с государством явно не управится; дочь же ее, Катарина – теперь уже совершенно бесполезна.

Что же касается прочих политиков, назвать можно только **Якоба Банберга графа Тимро**. Почти ровесник короля, богатый пограничный лорд, по сути, возглавляет оппозицию: он настаивал и настаивает на окончании Великой войны и возвращению к Гилеадскому вектору. Особенно лично его обижает Морсхиллский вопрос – проблема в том, что Морсхилл подобрал под себя чуть не половину прямо и косвенно подвластной ему территории.

Тут важно отметить, что сам Олаф Морсхилл задавить и рад бы, но для этого придется снимать полки первой очереди с Южного фронта или полки второй очереди из Унии, а лишних, собственно, у него нет. Так что он склонен выдать нужду за добродетель и использовать Морсхилл как инструмент на переговорах с Гилеадом по разделу Унии. Вот только такой вопрос за пределами понимания графа Банберга.

Культура Виррика: Собственно, помимо интересных вариаций северной готики, Виррик примечателен двумя вещами: повальная грамотность в городах вызвала широкое развитие литературы, понемногу уходящей от нравоучительности к раннему реализму, и непривычное для таких миров развитие техносферы, символом чего могут служить неяркие, но все же фонари на улицах Оксенштадта.

Мораль в Виррике куда как интереснее. Культ Мастера диктует очень интересную этику, ближе всего к которой стоит, возможно, протестантская трудовая, однако лишь в некоторых вопросах. Так, знакомо нам отношение к труду как к благословию, к преуспеванию как к мере благосклонности бога, к индивидуализму как к личной ответственности за результат своего труда. Однако забавно, что последовательное применение такой этики дает побочные эффекты.

Так, например, высока мобильность населения – сельские тут куда чаще работают на дальних промыслах, чем растят рожь, и к земле не привязаны; но ведь и жрецы Мастера учат, что, если у тебя с каким трудом проблемы – притом проблемы и вида «не получается», и вида «не кормит» – то мучать себя есть страшный грех и деятельность надо менять. Желание же зацепиться за дедову избу трактуется как лень души и нежелание работать там, где от тебя будет прок, и прищипается.

Второе – сословный вопрос. Проблема в том, что дворянин – это, с точки зрения виррикканца, тоже работа, притом работа трудная. Или иди-ка ты в армию – офицер несет за солдат такую же моральную ответственность, как бригадир на стройке за рабочих, не большую, но и не меньшую. Если ты не в придворном либо военном звании – иди управляй доставшимися тебе

для административного труда землями, организуй и работу, и торговлю. Если ты по результатам этой деятельности не можешь наскрести на налоги с твоих владений – ты не дворянин, а лодырь, и поместье с титулом и гербом у тебя изымут. И, замечу, отдадут тому, кто внесет в казну большую цену – заслужил.

Третье – опять же гендерный вопрос. Жрецы мастера учат, что любой имеет право заниматься тем трудом, в котором преуспевает. В армии вы девиц почти что не найдете, хотя на канцелярских должностях иногда и пробегают, по последнему времени. А вот дама-купец или дама-часовщик не удивят в принципе никого. С другой стороны, и мужчина, и женщина обязаны содержать дом и детей в полном и неукоснительном порядке – это тоже труд.

Некоторые города Виррика:

Оксенштадт: столица и один из самых старых в Виррике городов, построен на месте еще раннегилеадского поселения. В государственной пропаганде – место высадки первых людей на Оssidан, на самом деле, конечно, ни в коей мере. Это уже исключительно большой, особенно для Виррика, город, окруженный кольцом фабрик и затянутый легкой паровой дымкой. Улицы его чисты, а фонари на них горят всю ночь до позднего рассвета. Обязанность зажигать и гасить фонари возложена на патрули Королевской гвардии – как и безопасность на улицах столицы. А люди там очень, очень серьезные – юная девушка может пройти Оксенштадт из конца в конец в самую полночь, но вот самому благонамеренному бродяге лучше бы и днем на улицу не выходить. Работают библиотеки (на деньги короля), неплохой театр (на деньги эрцгерцога), а вот с тавернами откровенно плохо.

Тимро: все еще наполовину гилеадский город. Проблема в том, что и в Гилеаде, и в Виррике это глухая провинция. Городок то тихий и сонный, но великолепный и совершенно серьезно имеющий военное значение замок Тимро стоит самого внимательного осмотра. Если пустят. С другой стороны летом тут – крупнейшая по военному времени ярмарка, где гилеадская еда меняется на вирриканские товары.

Мьёлвед: самый северный в Виррике нормальный город, столица полуострова Нерке. Город, в котором поровну тюрьмы и завода: с севера сюда стекается уголь и железо, с юга – каторжане и искатели хоть какого-то куска хлеба, а все вместе плавится в тиглях бесчисленных кузниц. Если вы встретите человека в Мьёлведе – значит, его жизнь пошла куда-то не туда.

Армия Виррика интересна двумя вещами. Во-первых, Олаф таки завершил свою военную реформу, и вместо гилеадской разрозненной вербовки или сотавентского найма перешел на рекрутские наборы. Королевская казна содержит рекрута полностью, а завершившие службу получают землю – притом землю не где-то у Нерке, а теплую почву Оренсе. Служат только и исключительно этнические вирриканцы, под командой строго вирриканских же офицеров, служат по географическому признаку, во взводах на базе одного села. Дисциплина поддерживается люто и бешено, через щедрые награды к отличиям и шпицрутены к наказаниям. Исходя из всего этого, имеем и во-вторых: вирриканская пехота – это высокомотивированная, дисциплинированная и изворотливая ультимативная машина уничтожения и резни, приспособленная к эффективному бою как сомкнутым пикинерским строем, так и к действиям малыми подразделениями за счет высокой спайки последних. Проблема только в малом, прискорбно малом мобилизационном ресурсе.

Королевство Сотавенто

Форма правления: монархия, вынужденно ограниченная военной хунтой.

Кратко о географии: Сотавенто занимает весь юг континента, в основном омывается Зеленым океаном, но Сантаренский полуостров глубоко выдается в Древний океан. На севере оно имеет непрерывную линию фронта, проходящую по южному Гилеаду, бывшей Зендской Унии, югу бывшего Оренсе и основной части бывшего Фрегеzi.

Колонии Сотавенто на юго-восточном побережье Зеленого океана занимают пока довольно небольшую площадь, граничат с Кондоминиумом Трех Сестер и черно-коричневыми товарищами, которые не представились.

Сотавенто является наиболее населенным государством мира, кроме того, почти единственным из крупных расово неоднородным, однако об этом позже. Население распределено достаточно равномерно, климат более или менее мягкий на всей территории.

Кратко об истории: Сотавенто – самое молодое из крупных государств (из мелких моложе только военные новости, Вестин и Морсхилл). Образовалось оно семьдесят шесть лет назад в результате слияния этнически близких – но лингвистически не вполне – государств Касавьехо, объединявшего нынешний запад, и Сантарена, расположенного на одноименном полуострове. Хотя в прошлом эти страны неоднократно и весьма упорно воевали, на сей раз Объединение свершилось поначалу бескровно, благодаря очень давно готовившемуся династическому браку, и, в порядке установления национального согласия, было оформлено именно как слияние, не поглощение Сантарена Касавьехо.

Разумеется, двум странам пришлось долго, мучительно притираться друг к другу. За прошедшие до Войны полвека старые сантаренские семьи восставали дважды – но оба раза война велась не между старым Касавьехо и старым Сантареном, но внутри полуострова между сторонниками и противниками объединения. То, что во второй мятеж влез на стороне сепаратистов контингент из Виррика, поддержки населения сантаренским лордам ожидаемо не добавило, и к Великой войне народ подошел более-менее с улаженными разногласиями.

Солидные ресурсы материковой части и прекрасный флот полуострова дали быстрый и решительный эффект – новое Сотавенто обратило взор на юг. Ранее навигация в Аустер уже была недурно изучена моряками Сестер, уже развернувших на южном континенте сеть

торговых факторий, но ресурсы городов и государства были, понятно, несопоставимы. Королевство заявилось на берега Аустера всерьез и надолго – чуть, конечно, в стороне от застолбленной Сестрами территории, но Сотавенто интересовали не пряности и камни, а земля.

Разбив несколько прибрежных племенных союзов, сотавентцы с энтузиазмом развернули классическое плантационное хозяйство, туземными руками выращивая на прибрежных землях перец и фрукты, а потом, вырубая джунгли, и пшеницу. В метрополию устремился пока еще жидкий ручеек аустерских рабочих, хотя до идеи классического рабства там не додумались. Сотавенто сделало стремительный шаг от зависимости от гилеадского продовольственного рынка.

Тут-то Гилеад и начал бояться.

Сотавенто повело и активную внешнюю политику на континенте, добившись довольно прочных позиций в ранее сугубо прогилеадской Зендской Унии, прежде всего за счет Ависского герцогства. Удалось заручиться союзом с королевством Оренсе, тем самым, казалось, прикрыв возможный вирриканский фронт.

Все обернулось совсем иначе. Именно в результате конфликта почуявшей за собой покровителя Ависсы с Зоденом и началась Великая Война, которой Сотавенто менее всего хотело.

Политика Сотавенто сегодня: На данный момент Сотавенто – государство, изо всех сил пытающееся закончить войну как есть.

Есть, вообще-то, у страны король, нестарый, но когда-то опытный и оборотистый **Хайме I Стойкий**, которого даже Фронтовой Мор пощадил. Да только во Фрегезское наступление три года назад августейший командир очень, очень неудачно сходил в кавалерийский рейд у Савеншу, после чего и был привезен на родину без руки и в параличе. На данный момент он валяется в полузабытии под надзором жрецов Белого и магов.

Сотавенто же управляется **Советом Пяти**, он же **Совет Национальной Обороны**.

Официально председательствует на нем королева-регент **Жоанна Оренсийская**, дама все еще яркая и экономически безусловно одаренная. Ей немного за сорок сейчас, и она пользуется популярностью в народе хотя бы потому, что ведет подчеркнуто довольно скромное существование. Однако желающие знают, что снабжение городов в условиях прекращения прямой торговли с Гилеадом и сравнительно щадящий прием оренсийских беженцев – ее заслуга.

Великий Маршал Сотавенто граф **Альберто де Бельтран** – наиболее талантливый и наиболее заметный из сотавентских военачальников. Недурно образованный, в молодости активно вращавшийся при дворе, прославившийся в довоенных мелких конфликтах, он, несмотря на малый рост, кажется обходительным касавьехским кавалером. Однако это человек не только железного нрава, но и предельной изворотливости: скажем, скупая конфискованные по угасанию родов и восстанию в Сантарене имения, он сделался одним из самых богатых людей Сотавенто. Но самое колоссальное свидетельство его бесконечного утилитаризма – это

нынешняя армия королевства, о которой ниже. Известно, что он амбициозен, но никто не знает, куда его амбиции простираются.

Великий Адмирал Сотавенто **Диогу ди Падана**, напротив, из простых – родился вообще в колониях. В начале Великой войны у этого сантаренца был капитанский патент и три старых корабля, к Катаклизму он водил великие конвои через Зеленый океан, а теперь возглавил Адмиралтейство и получил графский титул. Только потому, что у него единственного получалось и получается привозить вдоволь аустерской еды через всех тинианских корсаров. В политических играх, королевских празднествах и вообще в жизни столицы он подчеркнуто не участвует. «Съедят» – как-то якобы сказал отличающийся немногословием адмирал.

Тереза, дама Черной – четвертый член совета, представляет, как не трудно догадаться, храм Супругов. Официально. Дело в том, что обычно для консультаций по делам, составляющим предметы ведения храма, к королю тянули жрецов Белого все-таки. Однако с самого Катаклизма внутри храма много чего-то скрытого произошло, и милейшая сестра Тереза, полненькая, радостная, пышущая здоровьем тетушка, ровесница королевы, в нужный момент сама предложила помощь во всем – и оказала ее. Сейчас она отвечает перед советом за медицину, народное образование, обеспечение бедных, военных сирот, театры, водопровод... все, что не приносит военной продукции, но должно работать. И работает. У граждан Сотавенто есть твердое ощущение, что Супруги приглядывают за ними – вне зависимости от любого состояния Силы.

Канцлер **Якопо де Костаматео**, ветеран двора, рожденный еще в отдельном Касавьехо, является сейчас, казалось бы, наименее влиятельным членом Совета ввиду коллапса дипломатии за время Великой Войны. Ему, грубо говоря, сейчас особенно не с кем договариваться. Однако те, кто в курсе, знают, что Канцлер сейчас занимается немного другими вещами: создал и администрирует сотавентское Осведомительное управление, единственную на континенте разведывательную организацию, живущую уже по канонам Нового времени. Широчайший спектр доступных на активной военной службе наемников со всего света позволил дону де Костаматео сформировать очень компетентный оперативный корпус, а кое-какие оставшиеся у его дипломатического ведомства средства – хороший штат осведомителей. Помимо активной работы в неприятельских штабах и на нейтральных территориях, Осведомительное управление довольно плотно и достаточно эффективно занимается контрразведкой внутри страны.

Основной **целью** всех этих прекрасных людей является максимально быстрое окончание войны. С одной стороны, конечно, войска Сотавенто почти везде оперируют на вражеской территории, а там, где не оперируют, речь уже не идет о широком Третьем Сантаренском Восстании, но только о том, чтобы выбить с полуострова десантировавшийся вирриканский корпус; почти очищено Фрегези, пусть и сорвалось окружение, удалось довольно ощутимо пройти по гилеадскому пограничью. С другой – удержание Вирриком территории Оренсе угрожает его дальнейшим усилением. Но с третьей – велик шанс, что после окончания войны Виррик сцепится с Гилеадом, и тогда можно будет спокойно заняться колониями, зачистить Тинианы и тогда уже, лет через сорок, многое переиграть. Окончание войны сейчас было бы

воспринято как скорее победа, потому что изначально на карте стояло само существование государства.

Кроме перечисленных, нужно, наверное, упомянуть еще двоих.

Наследница сотавентского престола восемнадцатилетняя **принцесса Каталина** в основном известна своим отсутствием – кажется, ее уже несколько лет не видели за пределами официальных церемоний, ни на балах, ни в опере. Фрейлины и жрицы, впрочем, гарантируют, что с принцессой все в порядке, равно как и слуги дворцовой библиотеки. По-хорошему, пора бы выдать ее замуж, но Жоанна с этим подчеркнуто не торопится, хотя и то сказать – с равноценной партией сейчас по очевидным причинам трудно. О Каталине известно, что одно время она тесно общалась со жрицами, но после инцидента с королем перестала. Также о Каталине известно, что она действительно красива.

Ну а юный **герцог Жуан Луиш ди Тентугал** вообще уже не является игроком в сотавентской политике, поскольку год назад сделал качественно неверный, по-видимому, выбор. Будучи близким потомком – по боковой ветви – сантаренских королей, он родился уже сильно после Второго Сантарена, куда его благоразумный отец не влез, за год до Войны. Сам же Жуан, осиротев, радостно принял у себя вирриканских эмиссаров и прошлой весной попытался начать Третье Сантаренское Восстание, но даже короноваться не смог. Сидит теперь в штабе десантного корпуса, пьет и сочиняет баллады об утерянной родине.

Культура и мораль Сотавенто: Важно понимать, что Сотавенто очень четко делится на Касавьеху и Сантарен, плюс городская интегральная культура.

Равнинная Касавьеха – общество неторопливое, крестьянское, с тысячами деревенок под солнцем, большими семьями в больших, но далеких друг от друга домах, морем красного вина на праздники и быстрыми танцами у костров. Это хуторская культура давно уже лично свободных крестьян-арендаторов, с крайне низкой ролью формальностей, крайне ленивым и неярким религиозным чувством и стремлением поменьше лезть в чужие проблемы. Земля до сих пор принадлежит, в отличие от крестьян гилеадских, совершенно не работникам, и цепляться за нее особо не цепляются – до сих пор на сельских дорогах можно частенько увидеть сцепленные возы, уносящие пять-десять семей к другой границе. Люди тут, в отличие от Гилеада, не живут общинами, но семьями – обычно патриарх (или матриарх) и три поколения вниз; кровные отношения в Касавьехе всегда перевесят любые властные. Однако уйти из семьи в город не трудно – «раздай землю братьям, и будешь человек».

Восток же, холмистый полуостров Сантарен, дело другое. Издавна это было место активного разведения овец, и угрюмые пастухи, чуть что хватающиеся за огромные кинжалы, рано вошли в западные анекдоты. Еще одна тема для них – то, что нечто завернутое в овечью накидку, тощее, жилистое, шипящее и размахивающее полоской стали, может под этой накидкой оказаться любого пола. В набегах за овцами, а равно и в вызванной ими кровной мести, сантаренские женщины ничем не уступали – и не уступают – мужчинам: места такие. Свойственный сантаренцу угрюмый, вспыльчивый индивидуализм здорово укоренился, когда они открыли для себя море, ко II веку от Кораблей здорово продвинувшись в морском разбое. Таким же стало и Сантаренское королевство – быстрое на подъем, недолгое на бег.

Ну а города... еще задолго до Объединения все там перемешалось, фигуристые девочки запада принимали ухаживания резких юношей с холмов, а дикие восточные кошки таяли от стихов равнинных кавалеров. Скрипки и флейты востока встретили лютни запада – и подпели им; горские песни обрели привычный нам строй и рифму, равнинные стихи стали петь за столами. Тут же можно встретить и аустерцев, черных, очень спокойных и – иногда – даже согласных поговорить.

Некоторые города Сотавенто:

Марипоза: столица, ранее Касавьехи, теперь и всего королевства. Во-первых, это город, в котором живут богатейшие граждане Сотавенто, город, где с любой точки виден королевский дворец Фаругранде, выстроенный вокруг одноименной высокой башни комплекс зданий самого разного вида и возраста. Там есть лучшая в мире Опера, там есть магазины всего, можно, если поискать, найти единственную неплохо чувствующую себя массовую школу Магии с библиотекою. Во-вторых – это порт, куда стекается – все еще – большая часть того, чего на Оssidане не существует в принципе.

Ламего: старая столица Сантарена, все еще крупный и богатый город, выстроенный весь из серого камня близлежащих холмов. Каждый из его районов называется по фамилии семьи, от которой большинство его жителей ведут род, но за полвека много здесь и западных стало жить. Старый королевский дворец занят наместником из местных лордов и королевским судом, и город почти не вспоминает о своем государстве – только песнями на перекрестках и коронами на вывесках таверн.

Форт Кинто: некогда сильнейшая крепость с прилежащим городком на северной границе, настоящее произведение искусства, право. Однако этого оказалось недостаточно. Через год после катаклизма именно тут была начисто вырезана великая Малиновая гвардия, оборонявшая форт против наступавших из Оренсе вирриканских войск. Про это даже есть песня. Форт с тех пор отбили, но то, что от него осталось, стараются не посещать. Слухи ходят и люди пропадают.

Армия Сотавенто: текущая армия королевства является детищем графа де Бельтрана. Еще когда старая, королевская армия вполне существовала, но уже кончалась в круговерти восточного фронта, мессир Альберто, как ему казалось, нашел выход. Будучи уже тогда более чем богат, он предложил королю и королеве следующую сделку: он, Альберто де Бельтран, предоставит королю пятидесятитысячную армию. Притом содержать ее будет сам под обязательство короны впоследствии покрыть векселя, и то в рассрочку, и то не деньгами. Притом наберет ее он тоже сам. Но! При этом сам он становится маршалом данной армии и за пределами территории Сотавенто наделяется полномочиями снабжаться, фуражироваться и накладывать контрибуции по своему личному усмотрению. Так как на тот момент, благодаря Олафу III, понятие «за пределами территории Сотавенто» воспринималось довольно иронически, позволение было дано.

Вместо обычных рекрутов Бельтран набрал к себе только и исключительно наемничьи отряды – бывших пиратов, бывших солдат отмененных государств, местных добровольцев, слишком строптивых для регулярного строя, сантаренских дам-добровольцев, аустерцев, всех, кто мог, хотел и умел драться на предписанном фронте за предложенные денежки.

И ведь нельзя сказать, что не сработало! Благодаря де Бельтрану, гилеадский фронт резко, очень резко подался на север. Опыт был расширен и углублен и дальше, дальше по фронту, но тут кое-что стало ясно. Альберто де Бельтран представил изумленной публике лозунг «Война кормит войну».

Для того, чтобы понять, КАК армия Сотавенто грабит, меня недостаточно. Нужен Верещагин.

Три сестры

Форма правления: союз олигархических городских республик.

Кратко о географии: Три Сестры – это три довольно разнесенных географически города-государства, располагающихся вдоль береговой линии Сантаренского полуострова, хотя Серениссима лежит через пролив от него и на острове Терса в этом проливе.

Кратко об истории: Три Сестры – это три торговых города, в разное время и в разных местах основанные приблизительно по одним и тем же причинам. Если не вдаваться в подробности по каждому отдельному случаю, все три города основаны как торговые посты Касавьехо в Сантарене, на землях, купленных, отобранных или выдуренных у сантаренских родов.

Со временем – к началу III века от Кораблей – выяснилось, что поселения эти мало помогают борьбе с пиратством и продвижению равнинной культуры в горы, зато весьма славно обслуживают торговый маршрут по всему югу Древнего океана, богатея почти непристойно. К середине века три города, и прежде всего Инфина, как-то единым аккордом задали себе простой вопрос: а зачем им, собственно, Касавьехо? Точнее, с чего это из всех, с кем они торгуют, именно Касавьехо вдруг пользуется какими-то там льготами? В очередное обострение на сантаренской границе города провозгласили внутренние городские хартии единственными авторитетными среди себя документами и отказались платить подати в Марипозу. Невдолге общими морскими силами с помощью массово нанятых сантаренцев Сестры, как их уже стали называть, нанесли касавьехскому флоту эпическое поражение в виду Серениссимы, у Терсы.

Три Сестры неуклонно богатели и неуклонно же сближались, обслуживая Бронзовое море и два океана, активно связывая экономики Виррика и Касавьехо. Понемногу оформились институты власти, удобные росшему торговому капиталу – аристократические республики на протяжении ста лет сменились олигархическими.

С развитием научной навигации Три Сестры оказались в ее первых рядах, и инфинец Амедео Гийе после долгого и нервного плавания в самом конце IV века от Кораблей открыл Аустер. Колониальная история раскручивалась медленно: открытие сперва не вызвало особенного энтузиазма – истории о золоте Юга оказались неправдой, а захват земли в целях Сестер не стоял. Однако потом, зацепившись за местные пряности, начали делать неплохие деньги предприимчивые частные купцы, и Патриции приняли решение как-то упорядочить торговлю.

Основание сети факторий сперва шло независимо, однако быстро оказалось, что выстраивать массивы по отдельности, содержать разные оборонительные контингенты и гонять по одним и тем же маршрутам разные конвои выходит дорого, да и Сотавенто уже начало принохиваться к континенту. По результатам долгих переговоров появился Кондоминиум – совместное и унифицированное владение Сестер на Аустере.

Сближение в колониях привело к сближению дома. Новая редакция союзного договора перед самой войной упрочила связи городов до невиданного ранее уровня, привела к унификации флота и флотских войск, выработке общего торгового флага и, главное, к образованию постоянного ежегодного совещания Патрициев. Три Сестры сделали еще шаг к единству.

Начало Великой Войны было воспринято несколько настороженно. В города хлынули было беженцы, но большинство так и проследовало в Сотавенто, часть, впрочем, неплохо встроилась в экономику и флот. Потом случилось сладкое время сверхприбылей, когда Сестры взяли на себя сложную и ответственную ношу транзитной торговли между Вирриком и Сотавенто, потому что война войной, а обед по расписанию.

Резко увеличивавшийся (и увеличивающийся) поток сладостного золота омрачали всего две вещи. Во-первых, это прочно и хорошо обжившие Тинианские острова пираты, с попустительства Виррика потрошащие транспорты Сестер так же, как сотавентские, а во-вторых – это несколько кругов обострения конкуренции до неприемлемых форм, с вооруженными идиотами на улицах и открытыми убийствами.

Политика Сестер сегодня сосредоточена на ежедневном вознесении молитв всем четырем доступным божествам с тем, чтобы сказка никогда не кончилась.

С точки зрения южных купцов, все идет в высшей степени прекрасно, и если бы не вскормленные морской войной в Бронзовом море пираты Тинианов, можно было бы вообще ничего, кроме пьянства и скрипичных концертов, не предпринимать. А так приходится держать весомый штат разномастных войск, о которых ниже, и идти на сомнительные сделки с вирриканскими и сотавентскими флотскими.

Ежегодно три правителя городов встречаются в каждом городе по очереди, чтобы в очередной раз утвердить колониальные программы и перевалить друг на друга расходы на общие вооруженные силы.

Глава городского совета Серениссы **Орсо Полани** – на вид совершеннейший уроженец Касавьехо, да и женат на даме из Марипозы. Он сделал состояние на торговле сотавентским оливковым маслом еще до войны, и сейчас настроен продолжать продавать его в Виррик, будто ничего не случилось. Колонии, пираты, дипломатия – кроме, конечно, финансовой – все

это ему просто не нужно. Орсо крепко сидит в своем городе, крепко держит в нем старые, еще отцовские порядки и совершенно не намерен быть причиной либо адресатом какого-либо беспокойства.

Дож Инфины **Антониотто Катанео** – прежде всего колониальный энтузиаст. Его отец некогда был одним из тех первых частных купцов, что застолбили себе место на далеком южном берегу – а теперь Инфина заполнена экзотическими фруктами и сильными черными рабочими. Катанео полагает, что будущее Сестер лежит именно в своей собственной земле на Юге, настаивает на широких программах заселения белыми и всячески продавливает постоянные поселения. Его энтузиазм, конечно, постоянно подрезается как коллегами, так и собственными казначеями, но дож не сдаётся.

Патриций Гаудии **Пьеро Пезаро** занял свой пост всего четыре года назад после таинственного убийства его предшественника – и, кажется, всерьез опасается того же самого. Неизменно под охраной, неизменно в компании дегустатора, рано высохший старообразный патриций очень неохотно выезжает из города. Однако линию свою проводит на диво упорно: Пезаро – ведущий энтузиаст дальнейшего военного сотрудничества. Развернуть Морские Терции дальше, зачистить, наконец, Тинианы, унифицировать городские войска – именно он является источником подобных предложений. Иногда Катанео солидаризуется с ним, но в основном все идет как идет.

Культура Трех Сестер может быть описана как эклектическая. И без того смешанная городская культура Сотавенто сталкивается тут и с принесенной беженцами музыкой и кухней Орнсе и странными ритуалами из Аустера. Условно элитная культура, впрочем, следует все же образцам Маринозы, разве что еще более утонченным равно в изысканных скрипках и строжайше формализованной эпической поэзии.

Мораль и бытовые установки, конечно, несколько отличаются от города к городу, однако в целом это исключительно купеческое миропонимание – предприимчивость и любопытство, бесконечная практичность и умение легко удивляться, хотя увидено уже немало, готовность вливаться в любую компанию и жить везде, коли дело потребует, и неувядающее сибаритство. С одной стороны жителей Сестер отличает известный моральный релятивизм – «что полезно, то и хорошо», и нежелание даже заниматься моральной оценкой ближнего своего, однако есть вещи, к которым они относятся серьезно. Три Сестры слишком долго подчеркивали свое отличие равно от вспыльчивых сантаренцев и расслабленно-ленивых людей Касавьехи, и некий свод этических правил неизбежно выработался. Так, в частности, важны контракты; никто не воспрещает тебе заключить, если сумеешь, контракт с подвохом, никто не осудит, если ты из контракта вывернешься, но нарушить его впрямую – нельзя, торговли не будет. Можно сто раз разорить конкурента, можно продать его на вирриканские шахты, но убивать его – дурной тон. Можно жечь постройки, можно портить товар – но в «семейные» дома и воры носу не суют. Можно орать на всех углах, что жена такого-то – шлюха, да и сам он, если честно, недалеко от нее ушел, но назвать человека жуликом – это, знаете ль, слишком.

Собственно Три Сестры все ж весьма различаются меж собой.

Серениссима – самая старая, большая и населенная из республик, и ее лучшие времена, похоже, все-таки позади. Оставшись на вторых ролях в колониях, слишком мало дотянувшись до мировых торговых путей до того, как Сотавенто объединилось, она понемногу становится все более и более сотавентским городом, отмахиваясь от альтернативы стать до конца именно территорией Сестер. Слишком консервативная, чтобы жить, слишком богатая, чтобы умереть.

Инфина выбрала для себя роль ворот Оssidана, и справляется с этим. Нигде вы не найдете более пестрого рынка, более интересной музыки и больше самых разнообразных метисок. Порт Инфины велик и почти анонимен, корабли из нее отходят в любой пункт на берегу хоть чего-нибудь. А карнавал ее четырежды в год просто прекрасен.

Гаудия же изо всех сил пытается стать чем-то сама по себе. Ее колониальные фактории – самые хорошо организованные и самые хорошо укрепленные, ее флот растет с каждым годом, а на мысу, что она для себя облюбовала, понемногу строятся сталелитейные заводы на вирриканских паровых двигателях. В прошлом году такой попытались засунуть в корабль, да тот затонул.

Армия Трех Сестер еще недавно была довольно условной. А сейчас вот неплохо оформилась на три изолированные части. Во-первых, это наемная колониальная жандармерия, раскиданная по факториям, но регулярно навещающая джунгли. Во-вторых, изначально тоже наемные, но проходящие обязательную переподготовку легендарные Морские Терции – отряды вполне полноценной морской пехоты, обученные абордажному бою и десанту, на единый лад обмундированные, хорошо вооруженные и несущие охрану конвоев. И в-третьих, набираемые из граждан городские войска, небольшие, но устрашающе на всякий случай компетентные; кроме того, в число их обязанностей входят функции криминальной полиции – господа купцы дорожат своими деньгами.

Тинианский архипелаг

Форма правления: предельно децентрализованная пиратская республика.

Кратко о географии: Тинианский архипелаг лежит в Древнем океане несколько к востоку от Сантаренского полуострова, примерно на трети пути из Сотавенто к ближней оконечности Аустера. Он представляет из себя три больших острова и с десятков малых: с севера на юг

Транкебар, Ильябела и Эксквимелин. Гористые острова не слишком отличаются друг от друга площадью, проливы между ними нешироки, а удобных гаваней хватает на каждом.

Кратко об истории: Тинианские острова были открыты еще задолго до того, как навигационная революция позволила дотянуться до Аустера, но практика показала, что на них, собственно, ничего ценного нет. Малярийные джунгли слишком рано переходили в горы, чтобы серьезно расчищать их под пахоту, а уголь в этих горах при освоении нормальными рабочими не оправдывал бы свою же перевозку.

Так что острова никто особенно не ценил. Поделили их гладко, на троих. Северный Транкебар более-менее обжили поселенцы из Оренсе; средний, Ильябелу, начали было обустривать как лишнюю клановую землю сантаренцы; южный, наименьший, Эксквимелин взяли себе Сестры – в качестве перевалочной морской базы на будущее, что позже оправдалось. Они таки открыли Аустер, и это многое изменило.

Оренсийцы и отчасти сантаренцы быстро, пользуясь обязательным транзитом рабочих-аустерцев через острова, резко перешли к плантационному хозяйству по колониальному образцу, заведя обширные площади сахарного тростника, снимая с этого неплохие денежки и неуклонно умножая черное население острова. Тут важно понимать, что на островах условия для южан были куда как похуже, вместо простого пополнения городских низов тут не сумевшие резко сориентироваться аустерцы напарывались сразу на долгосрочные, а то и пожизненные рабочие контракты.

Сестры и опять же Сантарен подошли к делу и с другой стороны – строительство нормальных портов, доков и даже верфей на островах несколько снизило цену перевозок, и горы Ильябелы и Эксквимелина было решено разрабатывать по виррикканскому образцу. Каторжниками. При этом важно понимать, что на Эксквимелине каторжникам после отбытия срока возвращаться на континент воспрещалось.

Рост населения и повальная метисация продолжались всю колониальную эпоху, а потом как-то вдруг началась Великая Война. А потом от какого-то не в меру болтливого гостя плантационные рабочие на Транкебаре узнали, что Оренсе, метрополии, собственно, уже не существует. Восстание было почти немедленным, быстрым и решительным, притом, что характерно, плантаторов упоенно убивали не только черные, но и белая беднота из старых поселенцев.

Итак, аустерцы повесили всех богатых и черный флаг с характерным белым солнцем. Проливы между островами узки, а солдат на островах, по причине творящегося на континенте ада, слишком мало. На Ильябеле почти одновременно восстали аустерцы на плантациях и остатки сантаренских пиратов на каторжных рудниках. Вот тут звоночек прозвенел еще сильнее, потому что поднявшиеся разнорасовые невольники с самого начала искали какой-никакой координации – гонять остатки гарнизона по джунглям так и впрямь оказалось сподручнее. Тем хуже было то, что гонцы с Транкебара пересекли пролив уже на вторую неделю боев, предлагая уже захваченное у себя оружие, но прося помощи людьми с недорезанными плантаторами. Спустя три месяца удалось осадой и голодом взять островную столицу, выстроенный из белого кирпича краснокрышный Канудо.

На шестой месяц мятежей звоночек зазвенел набатом. Овладев Ильябелой, мятежники под транкобарским «Черным солнышком» на трофейных кораблях пересекли еще один пролив – и, к немереному удивлению комиссионеров Сестер, атаковали Новую Инфину с моря. Тот факт, что на рудниках Сотавенто нашлись люди, более чем знающие, как управляться с судами, это удивление изрядно усугубил. В Новой Инфине легла полная Шестая Морская терция, пусть и забрав с собой многих и многих.

Осмотревшись, местные попытались понять, как жить дальше. Землю, положим, поделили еще в процессе войны, свели тростник и начали выращивать то, что можно хотя бы съесть. Вот только дальше – то что? А дальше в Канудо окончательно перезапустили порт, и один из тех сантаренцев, кто вел корабли к Эксквимелину, собрал снова свою команду и вышел в море. Оказалось, что это выход.

Нынешний уровень навигации уже позволил обходиться без перевалочной базы на островах, но путь из Аустера не передвинешь. Так что двумя самыми важными вещами тинианцы оказались отчасти обеспечены: едой и людьми. Главное – уметь взять. Брали настолько хорошо, что уже через два сезона навигации на уже сложившемся стихийно капитанском круге в Канудо появились мрачные светловолосые офицеры.

Виррик предложил очень и очень многое – прежде всего неофициальное покровительство, но чуть ли не важнее оказалась открытая торговля. Вирриканцы охотно брали и берут все лишнее, что удалось выудить у Сотавенто, да и добычей от Сестер не брезгают; более того, нашлись покупатели на оставшийся уголь и сахарный тростник, хотя этим уже мало кто занимался. Вирриканцы прислали военных советников и специалистов-корабелов. А взамен просили очень мало: продолжать веселиться вокруг Бронзового моря.

С самого начала пришлось как-то уживаться вместе, несмотря на то, что население по расовому признаку разделено почти пополам. Общим языком стал упрощенный сотавентский. На кораблях чаще можно увидеть белого навигатора и черного абордажника, но чем дальше расходилась морской промысел и сопутствующие ему знания – тем менее строгим становилось это правило. Чистых команд вы почти что не встретите сейчас.

С Катаклизмом расовая проблема повернулась иным, очень интересным углом. Пока на континенте жрецы спешно овладевали фельдшерством, а паладины ударными темпами спивались, аустерские шаманы островов чувствовали себя прекрасно. Сегодня к бессчетному сонму духов на Тиниане прекрасно обращаются и белые – потому что работает.

Политика Тинианских островов сегодня все еще сосредоточена на хотя бы относительном упорядочении хаотичного пиратского промысла.

На данный момент, после некоторого периода неясностей с организацией береговых общин, ответственности за города и вирриканскими представителями, все почти устаканилось, и Тинианский архипелаг управляется **Кругом Капитанов**, одиннадцатью сильнейшими пиратскими вожаками, представителями портов и делегатами от поселенцев, достаточно сильными, чтобы в случае нужды навязать свою волю всем прочим, но не всегда желающими делать это. Сейчас в нем четверо черных и семеро белых, но это ни в коем случае не правило.

Политически близко внимания стоят четверо из них, остальные озабочены больше своими локальными вопросами.

Старшина Круга **Адмирал Джоки**, он же Джованни Чентеквесто. Невысокий, полный, лысый и уже подбирающийся к пятому десятку уроженец Серениссы. Сын приличнейшего купца в Сестрах, сам начинал как купец, работал с колониями, лично водил свои конвои – но разорился из-за неурожая на плантациях, в которые необдуманно вложил. И оказался на Тинианах сам. Очень скоро он снискал очень специфическую даже для пирата славу – Джоки активно и, что удивительно, успешно потрошил сотавентские военные конвои, которые многие другие обходили. Адмирал Джоки, похоже, действительно мог бы быть адмиралом – он признанно отличный морской тактик, в нашем небогатом на великие флоты мире проигрывающий разве что ди Падане. Безупречный вирриканский десант на Сантарен спланирован и проведен именно им – если бы еще восстание действительно началось как следует... В Круге он, дорожа именно объединенным флотом, пытается любой ценой поддержать хотя бы спокойствие – к переговорам он все же успел привыкнуть в своей прежней жизни.

Господин Квартирмейстер **Августин Треппе** представляет в Круге город Канудо, а отвечает, как, собственно, квартирмейстер, за все, что относится к снабжению флота. Ему хорошо за шестьдесят, и он еще в Мятеж водил отряд белой бедноты по Ильябеле – и его приземистая фигура все еще производит впечатление, несмотря на седину. Сейчас, однако, у него совсем другие проблемы. Помимо того, что он вполне справляется с интендантским долгом, он еще и возглавляет, по сути, «сухопутную» фракцию в Круге. Трое делегатов от оседлого населения трех островов вполне поддерживают его усилия сделать из Тиниан обычное место, где живут люди – может, и вполтину не такое яркое, но спокойное и живое даже после того, как война кончится.

Венно Серый, он же Аксель Веннестейн, в Круге самый молодой в свои двадцать восемь. Неизменно гладко выбритый блондин с отчетливой военной выправкой в вирриканском флотском мундире без знаков различия всем своим видом говорит о довольно своеобразной биографии. Он действительно некогда прибыл на Тинианы младшим лейтенантом в качестве военного советника, но понял две важные вещи: во-первых, вирриканский регулярный флот куда менее эффективен, чем тинианские народные умельцы, а во-вторых, он всю жизнь занимался чем-то не тем. Официально уйдя в отставку, он резко пошел вверх – и сейчас у него эскадра с дисциплинированными экипажами и неофициальное право, коль скоро Адмирал Джоки блюдет нейтралитет, говорить на Круге от лица боевых капитанов.

Тежу, или, если полностью и если ему верить, Тежу Тай Ноонгар Галпилил. Сильнейший и авторитетнейший из пиратов-аустерцев. В отличие от большинства аустерского населения Тиниан, он не вышел со здешних плантаций и не был освобожден с рабочих колониальных транспортов. Он появился на Транкебаре черт знает откуда восемь лет назад уже не слишком молодым – сейчас ему чуть не доходя до сорока, кажется, хотя возраст аустерца – странная штука. Более того, он еще и не аустерец полностью – хотя бы по крови, да и внешность... нетипично высокорослый, да, говорят, волосы оссиданца, сейчас-то он бреется налысо; скорее всего, метис с кем-то с юга. Известно, что он воевал на континенте, совершенно точно как минимум на вирриканском фронте, но на чьей стороне – неизвестно. Однако это мало

кого волнует – авторитет метиса огромен. Тежу до сих пор более чем незаурядный боец и широко известен среди белых как таковой, но на Круге он говорит за всех аустерцев не поэтому. Несмотря на кровь, Тежу – большой знаток аустерской традиции, к тому же одаренный и знающий шаман, и в своих офицерах также поощряет близкие отношения с духами.

Цели у Круга Капитанов конкретной нет. Довоевать. Выжить. Обустроиться. Там будет видно.

Культура Тиниан представляет из себя еще очень новый, но уже очень интересный синтез, близкий к нашему афро-карибскому. Материальная культура их – то, что осталось от недолгого колониального времечка, тут уж где как, плюс свое, неряшливое и суетливое. Тропки в деревнях кривые, города никогда не спят, каждая лавка торгует всем сразу, а музыканты просто стоят на улицах. Есть принято на ходу, спать принято днем, драться принято строго на улице. Аустерские овечьи пончо тут хорошо носятся со шляпами по марипозской моде, а серые глаза – с кожей цвета мореного дуба. На островах уже нет ни одного храма, зато шаманы, бывает, танцуют просто на площадях.

Мораль Тиниан – еще более развеселая эклектика. Тинианы предельно анархичны, и тут тебе сойдет с рук все, что ты сможешь повернуть. В городах есть вообще все – выпивка и веселые дома – это, к примеру, банально; а вот курильни с аустерскими травами тут, в отличие от Сотавенто, не прячутся за семью замками, а гордо распахивают двери. То же самое – с личной моралью; кто-то живет многочисленной патриархальной семьей, потому что так жили родители еще до каторги; кто-то – сразу с двумя девушками, одна из которых держит дом на берегу, а другая ходит с тобой в одной абордажной команде; кто-то – вообще сразу абордажной командой. Пока у тебя есть удача и ты в состоянии ответить за себя, всем наплевать, кто ты – мужчина, старик, подросток, женщина, черный, белый. В деревнях, и каторжных, и аустерских, конечно, иначе – там люди живут более или менее как привыкли – но на то и Тинианы, что не нравится – уходи.

Некоторые города Архипелага:

Канудо: город на Ильябеле, собственно, то, что на Тинианах сходит за столицу. Красивый город, шедевр колониального зодчества. Песчаник и красная черепица, кованые решетки и буйная зелень – как ни удивительно, тут даже ничего особенно не раздолбали. Тут в бывшем дворце губернатора заседает Круг Капитанов, тут работает крупнейшая верфь с вирриканскими паровыми кранами на местном угле, тут держат свои ставки сильнейшие из капитанов. Здесь, в старом управлении рудников, держит посольство Виррик. Это место выглядит почти цивилизованным – пока не спустишься к порту. А можно зайти в аустерский квартал – туда, где в покинутые чиновниками дома вселились черные семьи бойцов позаметнее. И выйти с уймой новых впечатлений и барабаном.

Новая Инфина: город на Эксквимелине, место, от которого ближе всего до эпического разбоя. Самый большой порт островов, основное место опоры всех мелких капитанов и первая тинианская земля, которую видят перехваченные аустерцы. Скорее всего, сюда и прибудет любой, кто захочет посетить Тинианы. Опять же, крупнейший островной рынок – не всегда то, что нужно, зато много.

Иватьян: новый город на Транкебаре. Что-то вроде столицы тинианских аустерцев. Место для города шаманы выбирали очень долго, потом, выстроив впечатляющий храм из четырех прихотливой формы дольменов нарочито грубой постройки, стали возводить вокруг него город – такой, как привыкли, с многоярусными деревянными домами, ориентированными по звездам улицами и помостами для размышлений на крышах. Здесь живут немногие, по большей части старики и молодежь, и многие белые считают Иватьян просто одной большой школой шаманов, но это не так. Это школа, да, но школа, передающая каждому молодому аустерцу его культуру – то место, где его учат по «линиям песен» от созвездия к созвездию, учат обращаться к душам предков, которые умирали за океаном, и к духам, которые есть и тут.

Армия Тинианских островов состоит из населения Тинианских островов. Нет, серьезно – если вы найдете тут человека, совсем не владеющего оружием, он, скорее всего, будет плакать и проситься к маме, ибо у него зубки режутся.

Республика Морсхилл

Форма правления: меритократическая непризнанная республика.

Кратко о географии: Морсхилл занимает более двух третей бывшей вирриканской провинции Тимро. С востока и севера, по реке Трай, он граничит собственно, с Вирриком, конкретно с севера – с остатками провинции Тимро. С запада республика граничит с условно дружественным Гилеадом, с юга – с гилеадской же оккупационной зоной в Верхневальдской унии плюс с нейтральным княжеством Вестин. Выхода к морю, разумеется, не имеет. Собственно, лучше всего будет сказать, что Морсхилл – это сразу Восточный Гилеад и Западный Виррик. В том-то и проблема.

Кратко об истории: Морсхилл – самое молодое государство в мире, четыре года минуло. Проблема в том, что за таковое оно никем, кроме Вестина и условно Сестер, не признается. Собственно, эпитетом «Самозванное Государство» в Морсхилле открыто гордятся и употребляют в публичных выступлениях.

История Морсхилла как региона и общности началась, конечно, раньше – лет за сто двадцать, после того, как Виррик выиграл у Гилеада Восточную войну и прирезал к себе широкую полосу на востоке Гилеада с городами Тимро и Брайсхед. Тимро и окрестности довольно быстро стали вирриканскими, обросли мануфактурами и фонарями, Брайсхед же,

отделенный от Тимро полноводным Траем, так и остался почти гилеадским городом, обслуживающим знатный и на гилеадском фоне скотоводческий район.

В общем-то, короли Виррика адекватно отнеслись к гилеадской общине на своей территории – Брайсхед пользовался внутренним управлением и совмещал вирриканский уголовный кодекс с гилеадским общинным правом по административным делам. Плюс к этому, Морсхилл был долгое время избавлен от призыва – в вирриканскую армию упорно набирали только вирриканцев. Вместо этого с них брали дополнительную подать и вербовкой формировали кавалерийские части.

Все, как всегда, изменилось, когда началась Великая Война. Сперва Морсхилл обнаружил, что резко поползли вверх налоги – ну, что поделаешь, война. Потом резко возросла потребность в тягловых лошадях, а закупочные цены на них, напротив, упали. Потом случился Катаклизм и сопутствующий ему Фронтвой Мор, задевший Морсхилл довольно-таки щадяще, но показавший им, в отличие от быющего в холерном жару Гилеада, что бессильна теперь не только Богиня, но и Мастер. Потом случились события Даларнского Марша, и через северную границу устремились беженцы, сперва с деньгами, потом с очень, очень специфическим опытом. Потом на с южного фронта еще гуще, чем обычно, повалили весточки о погибших кавалеристах – граф Бельтран знал свое дело.

Последнюю точку поставили скоро пять лет назад. Олаф, задыхаясь от недостатка людей, согласился на предложение графа Банберга набрать в Морсхилле рекрутов в обычную вирриканскую пехоту – на общих основаниях. Он надеялся на лояльность Морсхилла благодаря союзу с Гилеадом – но сильно ее переоценил.

Сперва городской совет Брайсхеда попытался выговорить отсрочку, потом посылку рекрутов в гилеадскую армию, потом зачет за рекрутов военного налога лет хотя бы на пять – но положительного ответа не получил. И тогда один из советников, богатый скотопромышленник Лоуренс Рив, демонстративно покинул переговоры.

Ему не пришлось долго говорить с соотечественниками – всего лишь через пару недель бесплодные прения о призыве были прерваны, собственно, потенциальными призывниками. Морсхилльские гилеадцы арестовали как своих, так и приезжих чиновников и вместо полка начали собирать ополчение.

Благодаря Даларнскому Маршу в Морсхилле было в избытке оружия, а обращаться с ним и местные, и пришлые уже неплохо умели. Конные разъезды полетели из Брайсхеда до реки Трай, а на запад отправились гонцы.

Гилеад оказался в сложном положении: с одной стороны, союз с Вирриком был критически важен для продолжения войны, с другой – восстание подняли свои же гилеадцы против, в общем-то, традиционного врага, с третьей – было в принципе непонятно, за что они там выступают. Маршал Ламли пошел по пути наименьшего сопротивления – поддержки не оказал, но границу для торговли и добровольцев не закрыл.

Добровольцы как из Гилеада, так и из бывшей Унии пошли довольно резво и вскоре пригодились. Когда стало ясно, что Олаф, увлеченный южной компанией, фрегезским направлением и странными телодвижениями на Сантарене, просто не в состоянии выслать

королевские войска, король поступил проще: письменно взял Якоба Бамберга за шею и предписал ему закончить весь этот идиотизм.

Граф Бамберг, человек после долгих лет контроля границы богатый, решил, что вот она, прекрасная возможность, во-первых, выставить себя защитником всея Виррика от внутренних нестроений, во-вторых, покончить с морсхильским ограниченным самоуправлением и на будущее, и в-третьих – решительно обозначить себя выдающимся борцом с гилеадской угрозой. Будучи в курсе фронтовых новостей и военных веяний, в частности, прекрасно зная, в чью пользу сложилось противостоянии конницы Ламли и гибридной армии де Бельтрана, он предпринял решительную вербовочную кампанию. Вычерпав весь резерв наемных отрядов виррикканского сектора Унии, переманив к себе несколько дружин от соседей целиком и даже парочку отрядов от графа Нерке, он собрал более чем впечатляющую по довоенным меркам армию, доходящую до пятнадцати тысяч разномастных рыл.

Пользуясь тем, что по территории Виррика можно было передвигаться полностью без проблем, Якоб Бамберг сперва долго обустроивал снабжение своей орды – из чего некоторые умные люди сделали вывод, что распускать ее после операции он, быть может, и не намеревался – а потом аккуратнo вторгся в Морсхилл с двух сторон тремя колоннами. Северную, от Тимро, он возглавил лично.

И очень удивился после первых же стычек. Ополчение Морсхилла оказалось чем-то не тем.

На самом деле проблем было две. Во-первых, Банберг очень далеко не Бельтран, и забыл одну простую вещь: армия наемников может держать дисциплину на поле боя, но не вне него. Альберто де Бельтран обладал достаточным авторитетом, чтобы удержать своих солдат от грабежа сотавентской земли, а на чужой дал им оторваться осознанно, Банберг же, по сути, отдал под разграбление свой же домен, чем обеспечил брайсхедское правительство мобилизационным ресурсом. Во-вторых, он имел дело с наследственными коневодами в лице местных и с ветеранами очень, очень специфической войны в лице даларнских беженцев – которые вынужденно наладили боевое содружество, защищая свое и так негустое имущество.

Еще до того, как ополчение доформировалось под Брайсхедом, отбившихся от своих наемников начали резать сами сельские местные – ночью и почти поголовно пьяных. Разъезды уже официального Свободного Морсхилла неожиданно технично начали гонять фуражиров.

А через полгода был Рейгейтский Мост. Через широкий Рейгейт, южный приток Трая, попыталась переправиться Южная колонна – наименьшая из трех, четыре тысячи бойцов Банберга, по большей части пехота. Сперва их приняли полутора тысячами пехоты и лучников спереди, загнав назад на мост, потом мастер Оллоне, оренсиец и командующий колонной, услышал о коннице с тыла. Начавшаяся паника и численный перевес почти больше двух к одному дал интересный эффект – заботливо подпиленный мост рухнул.

Те, кто не утонул и не был к черту перебит, пошли сперва в плен, а потом – частично – в Южный сектор ополчения Морсхилла, и исполнившего этот милый трюк. Его самоназначенный лидер, некто Иоанн Линк, немедленно стал национальным героем.

За следующий неполный год почти истаяли в партизанских боях и нескольких быстрых открытых сражениях и обе прочие колонны. У Банберга сдали нервы, и он себе же, как он полагал, в ущерб, сжег несколько городков помельче уже намеренно. Это были мрачные времена – не смотря ни на что, Западная колонна почти дошла до Брайсхеда, а советник Рив после долгого молчания получил из Гилеада отписку о том, что прямой помощи не будет.

Всякое могло быть, но Иоанн Линк неожиданно даже для себя разбил Банберга почти ввиду низких стен столицы, в меловых холмах Эвина. Так, как умел – выведя своих партизан в поле и сумев удержать их что под стрелами, что под ударами конницы – и страшно ответив.

А потом Иоанн, с радостного благословения Рива получив под свою руку всю республиканскую армию, пошел на север, вслед откатывающемуся графу Бамбергу, и славно потанцевал вокруг Тимро. Когда морсхилльские ополченцы уже плевали на стены графского замка, тот послал Лоуренсу Риву предложение о перемирии. Брайсхед дал согласие, Линк отвел войска. Бамберг получил из столицы очень открытое и человеческое письмо из столицы, оканчивающее словами: «Ну и как я выиграю войну, если в моей стране целое графство в руках идиота?». Санкций, впрочем, не последовало – война.

С тех пор перемирие регулярно нарушается пограничными стычками – границы Морсхилла все еще в процессе окончательного установления. Кроме того, регулярны проблемы на юге с даларнскими непримиримыми. Но Морсхилл родился в этом и к этому привык.

Через некоторое время после того, как все плюс-минус кончилось, Морсхилл по настоянию Гражданского советника Рива отправил в Бетлем запрос о возможности присоединения к Гилеаду – тогда, кстати, и флаг приняли. От тогда еще правящего маршала-регента Ламли пришел панический отказ. В Гилеаде несколько опасаются того, чем Морсхилл успел стать.

Политика Морсхилла сегодня: Республика Морсхилл есть государство, пытающееся осознать, что оно, собственно, такое. Потому что больше таких нет.

Собственно, начнем изнутри. С самого начала само существование Республики воспринимается как результат общественного договора ее граждан, добровольно и решительно воевавших за него. Никакого божественного права тут не понимают, равно как и никаких прав предыдущих владельцев этой земли на нее не признают.

Все глобальные вопросы решаются, благо население все-таки не слишком велико, через массовые референдумы (для участия в них надлежит быть грамотным, но по причине долгого вирриканского сюзерената с этим нет особых проблем, да и вообще население неплохо владеет часто двумя языками). Текущие вопросы же оставлены двум Советникам и их штату.

Гражданский советник **Лоуренс Рив**, отец независимого Морсхилла, ранее был преуспевающим гуртовщиком с обширными стадами коров, оксенштадтским образованием и необычным хобби. Доходя в своих торговых вояжах до Трех Сестер, он не на шутку заинтересовался бытующим там строем – и попытался, как он считал, додумать республику для чего-то побольше города. На деле он, по сути, пересобрал республиканскую идею с нуля, расширив референдумы, упразднив имущественный ценз избирателей («Бедный у нас народ-то. Но работающий!»), резко усилив исполнительную власть и, во многом под влиянием

впечатления от гилеадского Сената, приурезав законодательную. Собственно, все его сочинения проникнуты смущенной мыслью, что он, видимо, изобретает велосипед (на самом деле, велосипед так и не изобрели) – но именно из его незамыленного взгляда проистекают многие удачные мысли, вроде переформирования гилеадского института шерифов в нормальных выборных мировых судей. Кроме этого, именно он упорно решает экономические проблемы республики, в частности, наладив-таки транзитную торговлю с Вирриком через Вестин. В личном обхождении он склонен, все еще склонен к сибаритству, однако сердечен – и, что нехарактерно для его бывшей профессии, совершенно не заинтересован именно в обогащении. Вместо этого у него тщеславие, всей республикой питаемое просто по факту. С другой стороны, ходят слухи, что Рив сдает – он и впрямь немолод и под постоянным напряжением.

Напротив, Военный советник **Иоани Линк** чувствует себя отменным образцом – ему, похоже, и сорока нет. Ветераны первых месяцев войны говорят, что он прекрасный фехтовальщик – правда, с несколько странноватым стилем, какого уже, почитай, лет десять не увидишь. Но прежде всего Линк – тактик, умелый, изобретательный и отлично понимающий суть как регулярной армии, так и наемничьей ватаги. У него явно более чем специфический опыт, да и пришел он, как вспоминают, откуда-то с юга, так что слухи говорят, что он – один из ветеранов Даларнского Марша, но до этого вряд ли кому есть дело. Линк широко известен, во-первых, опять же как принципиальный бессребреник: живет на чердаке своего же штаба, содержание получает на уровне командира отряда и никогда, ни при каких обстоятельствах не принимает хоть что-то стоящих подарков. Никто и никогда не видел его опаздывающим либо сколько-нибудь неаккуратным – небольшую окладистую бородку он аккуратно подстригает, а к старому вирриканскому мундиру, которым разжился еще в войну, неизменно подшивает подворотнички. Говорят, что он уже начинает перенимать у Рива и гражданские функции, но сам Линк редко когда заговаривает о политике.

Еще стоило бы выделить достопочтенного **Оберика «Все-Вместе»**, главу медицинской службы при Гражданском советнике, но интересного совсем не этим. Это, что с его профессией неудивительно, жрец – когда-то вполне конвенциональный жрец Богини с приходом в южном Морсхилле, локально известный своими вдумчивыми дискуссиями со жрецами Мастера и даже написавший умеренно популярный трактат на эту тему. После Катаклизма он потерял было веру, как и многие, но случайно познакомился с даларнской ересью. Как-то очень странно она наложилась у него на то, что он знал о сотавентском культе Супругов – и в результате он начал проповедовать то, что и принесло ему кличку. Грубо говоря, он сейчас является основным сторонником старого вообще-то учения о тождестве четырех почитаемых на континенте богов.

Цель существования Морсхилла еще недавно была дискуссионна. Собственно, на это и уповал Олаф – проблема была обречена решиться сама собой. Во-первых, государство неизбежно должно было разорваться на местных и пришлых, в идеале дойдя до мелкой внутренней резни. Во-вторых, прогнозировался – и действительно существовал – решительный разрыв по вопросу о том, входить ли в Гилеад или нет.

Однако Морсхилл за два года войны серьезно изменился. У них наверху не стало ни гилеадцев, ни лоялистов, ни пришлых – никого. Сплошной, требующий победы, монолит.

Сперва Рив, а потом и во всем поддерживавший его Линк провели жесткую линию тотальной войны – до последнего солдата, городка, пяди земли. Подобные установки даже в нынешнем Гилеаде считалась бы неким фантастическим, запредельным радикализмом и были бы просто невозможны. Ну да мародеры на своей же земле, повешенные прямо в лесу деревенские парни и сожженные солдатами племенные стада кардинально меняют восприятие действительности.

На данный же момент страна тянется вперед на полном человеческом энтузиазме. Восстанавливают, что есть, перекалибруют экономику на Гилеад и самообеспечение, осваивают покинутые вирриканскими владельцами фабрики. Добровольцы повсюду осваиваются на подаренной земле.

Культура Морсхилла опять же синтетична. Мало того, что они переняли вирриканское городское зодчество вдобавок к совершенно гилеадским деревням, они еще и записывают в убогие вирриканского вида томики совершенно гилеадские народные песни. Если же серьезно, то Морсхилл – это место глубочайше провинциальное, однако с избытком оборудованное своим собственным колоритом, будь то расхристанные и приветливые армейцы – в штатском, но с нарукавными повязками – на улицах или спокойные, молчаливые пастухи с тягучим говорком.

Мораль Морсхилла так же есть нечто среднее меж Вирриком и Гилеадом – но несколько в сторону Виррика. Центральным образом в морсхильской традиции является Долг. Обязательство, если хотите. Все, что ты торжественно (как принято в Гилеаде) взял на себя, должно быть выполнено (как принято в Виррике) любыми силами и средствами (как считалось правильным в Унии). Правильное поведение трактуется, в отличие от Виррика, не как сумма правильных действий, а как соблюдение правильной суммы обязательств. Однако тут надо понимать, что сделала с обществом Морсхилла сперва массовая эмиграция с юга, а потом малая, но очень горячая война. Общество республики крайне эгалитарно, на уровне старого Сантарена, и гилеадские иерархические представления тут непонятны. Армейское подчинение – более-менее, но специфика партизанской войны такова, что боец знает своего клемандира по-человечески и в случае чего легко меняет отряды. То же стихийно переносится теперь и в жизнь гражданскую – обществу еще предстоит устаканиться.

Из **интересных мест** в республике стоит упомянуть разве что столицу, **Брайсхед** – маленький, старый и светлый город, теперь немного расстраивающийся. Он еще более невелик, чем Тимро, и, когда ходишь по нему, появляется ощущение, что все здесь друг друга знают. Даже правители государства, покинув кто Управу, кто Штаб, приветливо кивнут бабушке-зеленщице.

Армия Морсхилла все еще сохраняет решительно милиционный тип организации. Большая часть ее сейчас распущена, многие оставшиеся занимаются в основном охраной порядка и пограничной службой. Линк держит постоянный корпус в две с половиной тысячи народу, проводящий время в военном обучении, и ротирует его каждые полгода.

Во время горячей фазы войны в Морсхилле действовало около пятидесяти разрозненных отрядов и команд разного этнического происхождения и боевого опыта. Именно их объединение и явилось основной заслугой неожиданно дипломатичного Линка. Кроме того, в

качестве надежного элемента он широко использовал добровольцев – прежде всего молодых гилеадцев, активно идущих в Морсхилл скорее от Гиледа, чем к Морсхиллу.

Княжество Вестин

Форма правления: феодальное княжество.

Кратко о географии: Вестин – всемирный медвежий угол. Лежит он промеж Гилеада, Морсхилла и бывшей Верхневальдской Унии, крайним северным углом которой когда-то был. Окруженная горами долина с неплохой плодородной почвой. Вещь в себе.

Кратко об истории: История Вестина и впрямь короткая. Большую часть времени княжество было членом организованной Гилеадом Верхневальдской Унии, князь даже имел голос электора на даларнских Советах. Жили себе понемногу, мало кем учитываемые, говорили в основном на гилеадском.

С началом Великой Войны в Вестине решительно ничего не изменилось. Несмотря на то, что Уния официально выступала на стороне коалиции, княжество более или менее отбоярилось неторопливой посылкой на фронт одной княжеской дружины – все равно наемная.

Проблемы начались чуть позже. Не столько даже был важен Катаклизм, все равно жрецы в Вестин заходили в основном по одному, сколько последовавший Фронтовой Мор. Он прошелся по не слишком знакомому с карантинной службой княжеству частой гребенкой, и его все еще очень нехорошо помнят. Потом, восемь лет назад, состоялся Даларнский Марш. Оказавшись пред лицом истребительной гражданской войны, осложненной дичайшим религиозным фанатизмом и иностранной интервенцией, Родерик Вестинский принял единственное безболезненное, но неожиданное решение. Он вышел из Унии и объявил себя нейтральным. Державы не возражали – им же меньше зачищать.

С тех пор в Вестине без перемен. В последние годы транзитная торговля с Морсхиллом принесла княжеству не то чтоб богатство, но хоть какое-то лишнее золото. Многие местные отправились повоевать на той или иной стороне, но большинство осталось в своих арендуемых у князя фермах и ведут почти натуральное хозяйство. Постоялые дворы открыли двери для шатающихся от фронта к фронту путешественников, торговцев и приключенцев, и мир, в общем-то, обещал быть.

Политика Вестина сегодня без перемен.

Собственно, такой штуки, как политика, в Вестине просто нет. Зачем? Есть князь. Он творит суд, устанавливает подати с земли и торговые тарифы. Все. Что происходит за горами – это, конечно, можно обсудить за пивом, но зачем брать в голову? Нет, сотня-другая молодых успела сходить понаемничать, да и эмигранты снаружи бывают, но это все их личное дело.

Сам князь **Родерик Вестинский** скорее напоминает управляющего собственным поместьем – чем, кстати, и занимается. Он несколько скуповат, но справедлив, как доходит дело до суда, знает половину города Вестина в лицо, а его многочисленные дети и вовсе росли, стенка на стенку ходя драться с деревенскими.

Его главная **цель** – неизменность. В ущерб даже собственным деньгам он хочет сохранить свой маленький уютный Вестин – вот только он него это не зависит. Потому что в случае малейшей вирриканско-гилеадской конфронтации ожидаемый срок жизни Вестина – месяца два.

Культура Вестина – это почти тот же глубоко провинциальный извод гилеадской, что и в Морсхилле, но вместо вирриканского влияния тут довольно много Унии – богатая деревенская культура, традиционные суеверия и праздники плодородия. Более всего это видно, конечно же, на празднуемой в конце весны Вестинской Ярмарке – когда гонят скот на продажу с севера, а с востока являются кузнецы, местные развлекают их, как могут – от прыжков через костер до кулачных боев, до которых князь сам когда-то был большой охотник.

Мораль Вестина проста, как три медяка. Вестинцы не гонятся за новостями, но, так уж вышло, живут, окруженные ими. Они довольно замкнуто, иногда большими семьями, живут, но любому предоставят стол и кров – лишь бы ты вел себя не слишком громко да был уважителен. Они отменно в курсе, что в мире есть всякие люди, и не видят, почему бы не пустить любого из них на подворье – и даже более того, почему бы не взять в субарендаторы, а то и в зятя – лишь бы это был именно что человек с понятием. Предельно упрощенно: в Вестине на ярмарке вам подадут еду простую, но отовсюду, без вопросов – но не стоило бы вам бить тарелки.

Интересные места Вестина сгруппированы очень кучно, по обеим берегам узкого еще Рейгейта.

На западном стоит сам **город Вестин**, очень приятный и сравнительно богатый – более приличный, по крайней мере, чем даже Брайсхед – город. Деревянные здания его старого центра – отчетливо гилеадские, ближе к окраинам, городские дома, лавки и мастерские – это скорее Уния с ее фахверками. Там найдется все, что нужно именно человеку проезжему – четыре опрятные таверны с разной кухней и ценовым диапазоном, несколько хороших кузен и неожиданно хорошая (так уж исторически сложилась) оружейная лавка, небольшой, но чистый храм Богини с молодой ехидной жрицей, достопочтенной Мирией, пристойная шорня, что при местных перепродаваемых конях неудивительно.

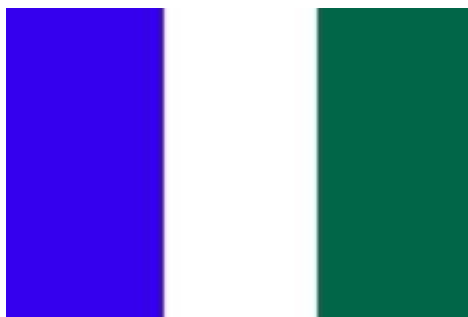
На восточном же берегу бросается в глаза, уши и нос **Вестинский рынок**. Вообще, обычно он скорее фермерский и скотоводческий, но во время Ярмарки, именно на его базе и проходящей, там есть все.

Ну а повыше по реке – **княжеский замок**, деревянный, совершенно ничего не стоящий с военной точки зрения, зато очень выверенно расположенный с точки зрения ландшафтного дизайна: тень, мелкая речка, сосновый лес. Это именно место отдохновения князя с семейством, работает он или в городе, или уж с седла. Казармы – уже слишком обжитые для такого слова – для дружинников, занимающие левое крыло, тоже по большей части пустуют.

Дружина князя Родерика немногочисленна, но весьма зубаста – ее кадр составляют вестинцы, послужившие на Великой Войне и вернувшиеся в родные края. По штату это гилеадский кавалерийский эскадрон, но на деле – сумма хаотично сбившихся команд, какими в большом мире ходят неслужебные авантюристы. В основном они или держат южную границу против партизанских ватаг из Даларна, или княжеской властью на мете охраняют порядок и разбирают крестьянские споры.

Немного о бывших государствах

Выше мы говорили о тех странах, что возникли довольно недавно, порожденные Великой Войной. Однако куда большие территории в данный момент суверенитета лишились. Подробно рассказывать о них не стоит – в основном там сейчас или активный фронт, а затяжная война по природе своей безлика и космополитична, или оккупация, а голод обладает ровно теми же характеристиками. Но для понимания некоторых уже упомянутых событий следует остановиться на важных сюжетах из их уже военной истории.

Оренсе. Исход.

Некогда Оренсе было, быть может, небогатым, но живым государством. Досталось им всего понемногу – хорошая земля у теплого моря, зеленый остров в океане, союзные отношения сперва с ввозящим продовольствие Сантареном, а потом и с Сотавенто. Все шло весьма неплохо.

И по сей день оренсиец считается человеком, не склонным к мрачности и упадку духа, хотя это было бы в их положении неудивительно. Люди из Оренсе, впрочем, ни в коем случае не ветротекучи, скорее не считают уместным сдаваться любым проблемам. Оренсиец живет здесь и сейчас – но, будучи поэтому импульсивен, поэтому же безоговорочно принимает последствия. По крайней мере, таков «правильный» оренсиец, какими именно сейчас они пытаются быть особенно остро.

Южная культура на рыбе и винограде, Оренсе всегда считалось страной музыкантов. Стереотип стоял на действительно обширнейшей песенной культуре страны, имеющей интересное направление – по оренсийским балладам можно учить историю, и не только их собственную.

Все это кончилось одним ранним-ранним утром, 14 мая 552 года от Кораблей, когда армия Виррика перешла восточную оренсийскую границу.

Король Оренсе Раймон II, брат сотавентской королевы Жоанны, в общем-то правильно оценил направление главного удара. Восточная армия Оренсе была изначально многочисленней и лучше снабжалась, чем развернутая против Унии Западная, туда были командированы наиболее опытные офицеры. Не было пущего подарка для Олафа III! Серией быстрых пограничных сражений и достигнутым за счет превосходства технологии взятием нескольких важных крепостей он сумел оттеснить Восточную армию ближе к побережью – но, казалось, ничего еще не кончено.

А потом нечто похожее повторили его штабисты и полевая армия Унии, наступая с северо-запада. В результате стремительной летней-осенней кампании первого же года войны Оренсе оказалось разрезано на две части: Фаррапо, столица, и части Восточной Армии, оказались в полном окружении. Деблокировать их ни королю, ни подтянувшимся сотавентским войскам так и не удалось.

Наступившая первая военная зима была ужасна. По северную сторону обустроивалась в крестьянских домишках обстоятельная вирриканская армия, усталой змеей кружила по стране, огрызалась и таяла Восточная армия, вымерзала все более и более пустая столица. Голод начинался исподволь и неторопливо, жрецов хватало, чтобы не доводить до людоедства – но едва-едва более. Все, кто мог, пытался уйти подальше, подальше от даже не стоящего под прямой угрозой Фаррапо, только королева с детьми уходила отказывалась наотрез. По южную – в две стороны караванами тащились люди; к фронту – солдаты, от фронта – все остальные.

Весенняя кампания 553 года состояла из планомерной загонной охоты на Восточную армию Оренсе. Ее командующий, генерал Перефитт, метался из стороны в сторону, то оттягиваясь с боями к Фаррапо, то пытаясь вырваться в Унию, то пытаясь проломиться сквозь фронт. Тщетно. Армия таяла, умирала, исходила кровью. В конце концов Олаф лично поймал Перефитта при Серой Горе в тактическое окружение тремя полками и просто перебил всех, кто сопротивлялся.

Фронт медленно пошел на юг. Фаррапо пал в следующем году – вирриканы долго, очень долго готовили штурм, чтобы провести его за три дня. Когда Раймону II доложили об его итогах, король, согласно песням, приказал убрать флаг Оренсе со своего шатра. Резня, даже не устроенная, нет, просто случившаяся в городе, была страшна настолько, что вирриканы, после того, как все кончилось, повесили вдоль стен семьсот своих же мародеров. Была убита – убита страшно – королева, принцы совершенно точно ее не пережили.

Бывшая Западная армия, теперь просто Королевская Армия Оренсе, два года воевала в составе сотавентских войск, все дальше отступая по своей земле. Дойдя до форта Кинто, уже сотавентского, Раймон поблагодарил своих офицеров и предложил желающими перейти в

сотавентскую армию и драться дальше. С пятью тысячами тех, кто уйти не пожелал – мечь либо национальная гордость, по большей части – Раймон II, бывший король Оренсе, перешел линию фронта и еще год развлекался в вирриканском тылу, нанеся несколько поражений войскам Унии, убив – по песням лично – актуального на тот момент герцога Даларнского. Пока не нарвался-таки, опять же, на его величество Олафа.

К 555 году от Кораблей стала заметна очень забавная вещь – вирриканы без проблем выпускают беженцев через фронт. Были мысли, что это Олаф примерно подсчитал расходы на снабжение своей армии, но расспросы бежавших поинтеллигентнее выявили кое-что еще смешнее. Вирриканы намеренно понемногу, медленно, но несомненно выдавливали оренсийцев с земли. Что и продолжали делать все двадцать прошедших лет.

Виррику исключительно нужно Оренсе – богатая земля, теплое побережье, сотавентское предполье. Но совершенно не нужны оренсийцы. Возможно, проще было бы решить проблему лагерями и резней, но Олаф не просто так считается лучшим. Как он сказал по этому поводу, «иметь миллион и не иметь миллиона – это вместе два миллиона»: оренсийские беженцы не только освобождают землю Оренсе, но и ложатся бременем на экономику Сотавенто – которой сами начинают что-то отдавать куда как не сразу. Оставшихся же предлагается лет за сорок совершенно вирриканизировать, к чему сейчас и осуществляются решительные шаги, прежде всего в языковом вопросе.

Вот так и образовалась в Сотавенто значительная, очень значительная диаспора оренсийцев. К чести королевы Жоанны, их землячки, она сумела, вовремя кое-как расселив беженцев по стране и немного даже выкроив на их первичное обустройство, избежать их схлопывания в компактную враждебную общину. Впрочем, во-первых, оренсийцы говорили на диалекте, понятном владеющему литературным сотавентским, да и с сантаренцами издавна жили рядом; во-вторых, все-таки удалось избежать безработицы и безземелья – большинство мужчин организовано побрала новая сотавентская армия, где у графа Бельтрона всегда теперь есть целые оренсийские полки. Жалование солдата – притом солдата, первоначально, уже с опытом – позволило многим оренсийским семьям первого поколения свести концы с концами. Опять же, много успело уехать квалифицированных мастеровых, что так требовались разбухшей военной экономике. Дно общества кое-кто из них тоже пополнил, но... как бы сказать, в борделях Марипозы оренсиек, конечно, куда больше, чем гилеадов, но значительно, очень значительно меньше, чем местных.

Сотавентские оренсийцы сегодня пытаются как-то поддерживать свое единство, стремясь вместе служить, охотно нанимая земляков на работу, более или менее организовав образование в диаспоре. Уже не первое десятилетие ведутся разговоры о том, чтобы выбрать, наконец, короля в изгнании, однако из-за того, что устроились в жизни люди с разным прошлым очень по-разному, до сих пор не понятно даже, кто должен голосовать. За вопрос «за кого» даже не брались.

Верхневальдская Уния. Даларнский Марш.

Об этих событиях в предыдущих заметках говорилось очень и очень много. Даларнский Марш, как камень, брошенный в пруд, дал очень широкие круги, породив Морсхилл, воскресив вирриканско-гилеадскую напряженность и обвалив длинную полосу неплохо, в принципе, жившей земли в до сих пор не остановившийся кровавый хаос.

Уния, некогда сбита Гилеадом из мелких доменов вирриканского пограничья, и раньше-то была беспокойна. Даже перед Великой Войной там уже воевали – за Керсийское наследство, крупный был конфликт. Король Олаф как раз обкатал там некоторые свои интересные идеи.

В Великую Войну Уния тоже влезла быстро и густоколлективно. Армии князей-электоров Унии оперировали на восточном фронте против Оренсе, с очень переменным, правда, успехом, но потом там наступило затишье, фокус боевых действий сместился на Южный Гилеад. Армии встали в Оренсе и занялись неторопливым разложением.

А потом наступил Катаклизм.

Проблема в том, что если восточные графства, верующие по большей части в Мастера, как то же Керси, остались более или менее спокойны, но на западе началось брожение религиозного характера. И более всего оно охватило сильнейшего игрока в регионе, прогилеадское герцогство Даларн.

Тихие разговоры о каре за грехи, о том, что Богиня устала нас любить, о том, какое теперь право имеют жрецы хоть на что, прекратил Фронтвой Мор, а потом и известия о бунтах в Гилеаде. Пожар над Градом Богини в видениях даларнцев выросал над горизонтом в огромную стену пламени, всесжигающую и неотвратимую. В качестве местных трибьютот таковой понемногу начали жечь помещичьи усадьбы.

Пангур Даларнский ни в коем случае не запаниковал, как считают. Напротив, несколько вяловатое восстание показалось ему достаточно удобным поводом приберечь своих солдат – и он обратился к союзному командованию с просьбой для его подавления снять часть армии Унии, раз уж пока тихо. Позволили.

Пока корпус оттягивался на север, даларнское восстание ширилось. Крестьяне полулесного Даларна – люди упрямые, тяжелые на подъем, но, разойдясь, широкие на жесты. Люди в сером полотне с охотничьими луками все чаще начали нападать не только на жрецов да

захолустных помещиков, но и на герцогских людей. Появились свои авторитетные вожаки – или из опытных охотников, или из фронтовиков-отпускников, а проще говоря, и дезертиров.

Появились и духовные лидеры – жрецы-расстриги и деревенские «видящие», глубоко по лесам живущие в укрытых заимках да рассылающие проповеди куда можно: «...До настоящего времени на бедный и простой люд в городах и деревнях вопреки Богине и всякой справедливости налагались большие тяготы духовными и светскими господами и властями, которых они и мизинцем не трогали, то из этого следует, что подобного бремени и отягощения невозможно ни переносить, ни терпеть, если только простой бедный человек не хочет пустить совсем по миру с нищенским посохом – себя самого, свое потомство и потомство потомства...».

Один из них, бывший деревенский жрец, некто Вавазор Пейли, выступал особенно ярко, потому, скорее всего, что догадался примерно подвести черту под проповедями своих коллег. Его так называемая «Статейная проповедь» была неоднократно переписана и разошлась по всей Унии, достигнув, что характерно, возвращающейся армии. Ее идеи довольно просты.

Во-первых, учитывая явные и недвусмысленные знаки Богини о ее крайнем неодобрении текущего порядка, продолжаться дальше он не может.

Во-вторых, коль скоро жрецы ее этот старый порядок всю поддерживали, то Богиня их благодати и лишила. Кстати, они, сволочи, в большом числе продолжают стоять за господ, хотя им уже изнамекались. «Ну вот как, как им еще объяснять?!».

В-третьих, сеньоры от старого порядка отказаться не могут, потому что, собственно, его и образуют. Так что ничего личного, но бить их надо для их же блага.

В-четвертых, никаких договоров с сеньорами заключать не надо. Все, что они могут крестьянину и солдату пообещать, то уже им передано Богиней, хоть земля, хоть благодать.

В-пятых, после того, как будут уничтожены враждебные очаги, необходимо жить в «объединении народа» для служения «общей пользе». Что это вообще такое, никто не уточнял.

Самое забавное началось весной 563 года от Кораблей, когда вступившая на даларнскую землю армия подняла свое собственное восстание, перевешав жрецов и большую часть офицеров. Как выяснилось, солдаты более чем в курсе идей почтенного Пейли и положения дома. Бывшая даларнская армия начала массово поглощать крестьянские отряды – и сама все больше уподоблялась им. Войско маршировало на север, к Даларену, при полной поддержке местных. Вели ее все тот же почтенный Вавазор и Джейми Кейд, бывший капрал.

Вот тут-то герцог Пангур и запаниковал. Он сам, своими руками привел в страну свою главную проблему. Понесли испуганные письма в Бетлем и Оксенштадт. Гилеад некоторое время надеялся, что ситуация исправится сама собой, дорожа текущим статусом Унии. Виррик же собрал полки второй очереди. Кейд получил время.

Даларен, собственно, даже не сказать чтобы штурмовали. Пангур Даларнский вовремя сбежал в Гилеад, а ворота города просто открыли от души благодарные местным дворянам жители городских окраин. Вавазор Пейли при большом стечении народа обвинил об упразднении

герцогства Даларнского и установлении народного объединения. Отменил собственность на землю, хотел было отменить деньги, но решил, что рано.

После этого восстания начались по всей Унии, и даларнские отряды весело повалили через внутренние границы, делиться опытом. Вместе с ними через границы устремились и беженцы, предчувствуя скорый дурной оборот. В самом же Даларне крестьяне были весьма довольны возврату к житью общинному, а вот горожане немного не понимали, что, собственно, происходит. Дворян, однако, исправно вешали и там, и там.

В южной прифронтовой полосе восстания кончились, почти не начавшись – было кому объяснить местным текущий момент, прочая же Уния, даже порядком побитое Керси, целую зиму горела – а по весне в страну с двух сторон вошли части второй очереди Гилеада и Виррика, давя локальные восстания и все ближе подходя к самому Даларну. Армия Богини, то, во что за полгода превратилась герцогская фронтовая армия, была разогнана виррикканцами под Финби уже летом. Даларен гилеадцы тоже взяли чисто машинально, повесив Пейли над воротами.

Проблема в том, что армия была именно разогнана, а не разбита. Кейд пропал неведомо куда, но приказы издавать не окончил. Бывшие армейцы и крестьянские ватаги разбились по деревням на отряды и начали повальную партизанскую войну. Которую и продолжают до сих пор.

Весь набор – нападение на оккупационные войска, фуражиров, гонцов, убийства «пособников оккупантов», вербовка деревенской молодежи, распространение угрожающих подметных писем и попытка вырваться за границы от облав. Некоторые отряды, конечно, вовремя ушли в Морсхилл, но непримиримых более чем хватает, и до сих в немного отстроившемся Даларене можно видеть надписи на стенах: «Надень серое. Возьми лук».

ПРОЛОГ

Смутные кони скачут, взметаются копны грив,
Бурей гремят копыта, мерцают белки их глаз.
Север их обнимает, звездным шатром накрыв,
Восток уступает радость, пока заря не зажглась.
Запад вздохнет, прослезится матовою росой,
А Юг уронит розы малинового огня.
Бессильны Сны и Надежды, Мечты и Желаний рой
Попавшие под копыта бешеного коня.

У. Б. Йейтс

Май. Весна уже клонилась к исходу, в Касавьехо уже начинались полуденные сиесты, а в Нерке стоял снег. Кузнечики и ветераны сходят с ума, угли сожженных когда-то пограничных застав сверкают, как дымчатые опалы. В деревнях поют, иногда поют и на дорогах. Те, кто не на фронте, торопятся жениться, пока не наступила пора жатвы и пора сбора податей. Дети на городских улицах с веселыми криками бьются на палках, уже зная, что палка эта всего лишь пролог к мечу.

Земля, где мы так многих любили и так многое ненавидели, уже который год прожила без опеки небожителей. Может быть, это были не самые лучшие годы, но так уж легли дороги, которые мы выбрали без карт и указателей. Сегодня мы молим офицера о снисхождении, торговца о милосердии и учителя о совете – обращаясь к богам, что устали от нас, разве что с рассеянной благодарностью. Это так. Но каждый из нас помнит, что было иначе.

Черное необитаемое небо раз за разом прочерчивают падающие звезды – беспечно посеянные семена будущего.

Все шло по-прежнему. 573 год от Кораблей был, в общем-то, год как год.

В Южном Гилеаде мрачно, устало режутся король Эдрик и сотавентский маршал Сарабия, отважно сжав друг другу глотки и истекая кровью из передовых полков, ставя офицеров перед новыми и новыми стенами, уже почти слишком прочными, чтоб пробить их лбом. Южный Гилеад все еще не обезлюдел, люди все еще надеются: кто-то на возвращение в Гилеад, кто-то на спокойствие Сотавенто, все – хотя бы на затухание боев к зиме. Перигей надежды Гилеада давно уже на севере, там, где в изломанном мраморе Града Богини иногда слышны шаги.

На восточном фронте также почти что без перемен. "За пустое небо, мертвого короля и бывшее отечество", стиснув зубы, дерется с вирриканцами оренсийский корпус генерала Контена – лейтенанта еще той, королевской армии. Граф Альберто де Бельтран дает в своей

ставке дивные балы, освещая покинутый каким-то бароном дом тысячей свечей; он танцует с великим искусством, определяя собой движения не только меняющихся партнерш, но и всего зала – так же, как меняет рисунок фронта. В Марипозе же много читают сейчас, когда ночи наступают позже: принцесса Каталина и почтенная Тереза берут в комнаты одни и те же книги, а куда ближе к марипозскому Порту мужчина и девочка штудируют рукописные конспекты.

Король Олаф в своем холодном, блестящем фонарями Оксенштадте перекладывает, бесконечно перекладывает две пачки одинаковой дорогой бумаги, испещренной одинаково рваными заметками одинаковым убористым почерком. Он почти вывел общий случай разложения функции в бесконечную сумму, последний год он чувствует это всем понемногу сдающим сердцем. Это важнее... но план снабжения на будущую зиму актуальнее. У эрцгерцога Густава таких сомнений нет и никогда не было, так что свое "Штормовое море весной" он допишет уже через неделю – а пока он так и спит у холста.

Патриций Гаудии Пьеро Пезаро всматривается в сумерки за окном, не видя там ничего. Один из его людей на другом конце города, впрочем, тоже уже ничего не видит – по совсем другой причине. Но кого волнует, что патриций мрачен, если весела сама Гаудия? Скоро летний карнавал, и модницы наперегонки сметают жемчуг и перья ярких аустерских птиц – не на платья уже, на маски.

Брайсхед пляшет. В Морсхилле как раз наступила пора свадеб – перед тем, как парни-пастухи уйдут с табунами – а тут Иоанн Линк женит капитана своей фронтовой разведки на полковнике, старшей Северного округа. Глава республиканской медслужбы, вытащив из закровов старую рясу, венчает двух молодоженов в едва-едва введенных мундирах. Приглашений не рассылали – кто жил, тот знал. Морсхилл, что.

В лесистых горах Унии заглядывает в пещерную мглу молодой парень в сером. Он и десяток его местами тяжелораненных товарищей, что залегли неподалеку – все, что осталось от Аванской партизанской бригады. Идти под гору так и так придется; позади идут гилеадские егеря, впереди по тропе ждут вестинские пограничники. Старшой говорил, что разницы – только на какой веревке тебя повесят, но в липкой пещерной тьме то и дело чудятся перекатывающиеся под жесткой шкурой мыши и маленькие блестящие глаза.

В колониях сняли первый урожай – поровну зерна и невообразимых фруктов, уже погрузив их на высокие корабли и отправив под совсем другое солнце. Если доплывут. Потому что на Тинианах тоже все по-прежнему – на каждые три судна под бело-синим сотавентским флагом выходит один хищный фрегат под "черным солнышком". На самих же островах черные солнцем аустерцы неторопливо пожинают шумящий ночами сахарный тростник – что-то много его стало сейчас, почти как в старые времена. И поют – куда-то вверх.

С башен Университета Принципата и с плоских крыш Иватьяна разные люди смотрят на один и тот же звездопад.

Те же пятеро, что с разных сторон вошли уже на Вестинскую ярмарку, вряд ли интересуются звездами. Зачем? Звезды сейчас везде – их звон в песне нежданных бардов, их огни смотрят из глаз танцующих в кругу девушек, их блеск в искрах от кузнечных горнов, а их покой – в высоких соснах вокруг и в глубоком, чистом Рейгейте, что бежит под мостом.

Но мы здесь не для покоя.